

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ

ВЕСНА ВОЙНЫ

Исчадия техно

Артем Каменистый

Весна войны

«ЭКСМО»

2014

Каменистый А.

Весна войны / А. Каменистый — «Эксмо», 2014 — (Исчадия техно)

После страшной войны Земля стала почти безлюдной. Но, кроме остатков одичавшего человечества и более-менее цивилизованных церковников, тут оказались развязавшие войну, но отсидевшиеся в хроноубежищах радикалы. И теперь они намерены уничтожить всех остальных. Наш современник Влад, который не по своей воле окунулся в эту кровавую эпоху, вынужден бороться за свою жизнь. И шансы на победу у него есть. Если только радикалы не обнаружат того, кто стал контролером Красной Сети... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	39
Глава 9	47
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артем Каменистый

Весна войны

© Каменистый А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Западный оборонительный рубеж включал в себя две линии опорных фортов, засеки в протянувшихся вдоль рек лесных массивах, пешие и конные патрульные тропы, сеть дозоров на тщательно замаскированных позициях. Когда ушедшие в пустоши древние только начали войну, ничего этого не было и отряды запов беспрепятственно пересекали границу, уничтожая деревни. Даже городам иногда доставалось.

Чтобы пресечь это, церковному войску пришлось взять под контроль дальние подступы к обитаемым территориям. Теперь даже сильный отряд врага, задержать который на линии не получится, будет замечен задолго до того, как риску подвергнутся мирные поселения. Выигранного времени хватит, чтобы на второй линии фортов собрали куда большие силы, и запам придется поливать степь своей кровью.

В итоге они почти перестали пытаться преодолеть линию церковной обороны. Серьезные набеги если и случались, то на юге, но там их масштабы были несопоставимо скромнее, к тому же страдало от них население, не отличавшееся богобоязненностью, и конклав счел, что затрачивать на их защиту лишние усилия будет политически неправильным.

На западе война теперь не затрагивала мирное население. Сводилась она к периодическим набегам, объектами которых становились форты первой линии. Но это лишь в самых сложных случаях. Обычно все ограничивалось стычками с дозорами, поджогами засек в летнюю засуху, организацией засад на тропах патрулей. Церковники несли потери, но и запам приходилось несладко: дисциплинированная армия умела наказывать шайки дикарей.

Это продолжалось уже несколько лет. Война стала рутиной. Лишь изредка затаившиеся древние напоминали о себе появлением чего-то нового. Но у церкви всегда находился ответ на их действия.

Но только не этой весной. Машины, пришедшие из проклятых времен, раньше если и попадались на глаза, то лишь далеким патрулям или отрядам, слишком увлекшимся преследованием отступающих шаек запов.

В этот раз они пришли сами, один за другим стирая форты первой линии с карты. И пока что потери несло лишь войско церкви.

* * *

Тиленар крепко зажмурился, мысленно сосчитал до пяти и вновь поднес к глазу зрительную трубу. Нет, ему не показалось – это действительно была машина древних, и она быстро приближалась к форту. Расстояние было велико, но оранжевый корпус выдал врага издали. Нелепый цвет. Неужели не могли догадаться покрасить во что-то более незаметное?

Спускаясь со стены, он крикнул:

– Брат Мейс! Они здесь! Пора!

Старый воин, левый глаз которого скрывала черная повязка, а правая рука вместо кисти заканчивалась металлическим крюком, степенно поднялся, неспешно направился к лошадям. Красиво шел, даже не скажешь, что на смерть. Зараза, подцепленная в проклятых землях, и раны, заработанные в битвах, изгрызли некогда сильное тело. Даже лучшая биота уже не помогала. Дни Мейса были сочтены, и ничего удивительного, что он не захотел провести их остаток в постели.

Тиленар, если когда-нибудь придется сделать такой же выбор, хотел бы держаться не хуже, но сейчас суетился, как растерявшийся новобранец, лишнюю пару секунд провозившись при открытии ворот.

Машина приближалась быстро. Очень быстро. Гораздо быстрее, чем они рассчитывали.

Рывок к лошади, покосившейся на это с испугом: не любят они, когда рядом проносится кто-то излишне быстрый. В седло чуть ли не птицей влетел, с места пришпорил, нагнав Мейса уже за воротами.

– Брат! Поторопись! Она очень быстрая! Очень!

Как бы в подтверждение его слов далеко за спиной послышался жуткий грохот. Обернувшись, Тиленар увидел, как над фортам вспухает облако из обломков бревен, только что бывших частью его стен и башен. Затем выше всего этого взмыл огненный шар, пламя вынеслось из ворот пожирающей все на своем пути рекой. Задержись они на полминуты, и горели бы сейчас вместе с тем, что только что было одним из фортов первой линии со славной историей и доблестным гарнизоном.

Гарнизон, правда, совершенно не пострадал. Всех воинов еще позавчера забрали на усиление второй линии. Их обязанности исполняли всего два брата по ордену: калека Мейс и Тиленар, роль которого сводилась к тому, что он был глазами для первого. Уцелевший глаз у Мейса видел плохо.

– Быстрее! Быстрее, Мейс!

Уцелевшие рассказывали, что машины всегда действовали одинаково. После того как одну из них попытались уничтожить древним оружием, не причинившим ей никакого вреда (огонь даже оранжевую краску не сжег), эти механизмы разрушали форты издали, ярким пламенем и стальными шариками. Те неслись с такой скоростью, что насквозь прошивали стены из толстенных бревен, и продолжали лететь дальше, не растеряв ни капли своей силы.

А затем машины преследовали отступающих воинов гарнизона. Шанс уцелеть хотя бы единицам был лишь один: разбежаться в разные стороны, причем без лошадей это еще никому не удалось.

* * *

Его позывной звучал просто: «Шестой». Полное название машины было куда длиннее: «Тек-Кон второй модификации, бортовой номер шесть». Он не был древним: его создали всего лишь три месяца назад на восстановленной вспомогательной производственной линии. К сожалению, обрести боевую мощь в полном объеме он не смог: возможности у нынешних ренегатов были скромными.

Боевой дрон – это не только бронированный корпус и система вооружения. Главное, что делает его по-настоящему опасным, – искусственный мозг.

Если с броней и оружием у новых текконов принципиальных отличий от первой модификации не было, то с интеллектом имелись проблемы. Создавать носители и наполнять их тем, что в итоге станет подобием разума, радикалы не могли. Приходилось выкручиваться, используя заменители.

Источник заменителей был один: блоки интеллекта, извлекаемые из машин, обнаруженных в хроноизолированном гараже службы управления крупным жилым массивом. Естественно, никакой боевой техники там не было, что добавляло проблем: переделка мирных устройств в оружие – задача непростая, а если речь идет об искусственном мозге, то сложность ее возрастает многократно.

Когда-то, очень давно, Шестой управлял мусоросборником. День за днем он выезжал из гаража и двигался по заданному маршруту: от здания к зданию, и так до самого финиша, где располагался сброс в перерабатывающий тинарий.

А затем его извлекли из привычного вместилища, и он обнаружил себя в машине, похожей на огромного морского ската оранжевого цвета. У нее не имелось колес, зато были пассивный гравитационный движитель, спаренное скорострельное кинетическое орудие и плаз-

менная установка. Вместо простейшей зрительной системы появилась куда более сложная, дополненная другими органами чувств. Сенсоры позволяли заметить мышь в ее норе или засечь движение металлического предмета на горизонте.

Он не был приспособлен для управления столь сложными системами. Имеющийся потенциал развития требовал времени на хотя бы скромное освоение. От всех этих новшеств у Шестого случилось то, что наладчики блоков интеллекта называли «электронной истерикой». Длилась она девять дней, лишь после этого он начал реагировать на простейшие команды, обучаясь обращению с новым телом.

Его долго не выпускали из ангара, затем началась стадия полевых испытаний. В их ходе он дважды терял контроль над телом, и оранжевая окраска пришлась очень кстати: беспилотникам проще было его засекать оптическими системами в случае помех от залежей древнего металла. Затем кто-то из радикалов придумал оснащать дронов радиомаяками, работающими независимо от интеллекта, и поиск упростился.

Но кричащую окраску оставили.

На всякий случай.

Полевые испытания закончились тем, что он пятнадцать дней подряд не терял контроль над машиной. Командование решило, что этого вполне достаточно и пора испытать Шестого в серьезном деле.

Этот форт церковного воинства был выбран для его дебюта. Деревянное сооружение в форме квадрата с крошечными башенками по углам. Всего-то и надо: обстрелять из кинетических орудий, подлететь поближе, выпустить заряд плазмы на максимальном рассеивании, а после всего этого уничтожить разбегающихся защитников.

Ничуть не сложнее виртуального тренажера. Даже кое в чем проще: у воинов церкви нет оружия, способного с высокой эффективностью поражать быстролетающие бронированные цели, к тому же способные вести обстрел с дистанции в несколько километров.

* * *

Тиленар далеко обогнал Мейса и уже почти скрылся за изгибом оврага с крутыми склонами, почти по самому низу которого тянулась патрульная тропа. Но проклятая машина оказалась куда быстрее: начала обстрел, едва показавшись над гребнем. И все внимание при этом уделила молодому воину, проигнорировав спешившегося калеку.

Перед глазами брызнула кровь, мир закружился, в поле зрения все начало расплываться, и когда Тиленар нечеловеческим усилием сфокусировал взгляд, то прямо перед носом увидел оторванную ногу в хорошо знакомом сапоге.

Щегольская серебряная шпора, трудно не узнать.

Это его сапог.

Больно не было. Сильно тошнило и переполняло злостью. Обернувшись, он увидел, что оранжевая машина зависла напротив входа в нору на склоне, куда перед этим спрятался Мейс.

– Ну же! – заорал Тиленар. – Давай! Она сейчас тебя сожжет!

В следующий миг овраг заволочило огнем, дымом и комьями разлетающейся земли с глиной. Сорок два бочонка с нитроглицерином, закопанных в склоне, взорвались последним приветом от пожертвовавшего собой калеки, выплеснув в передний бронелист оранжевого монстра всю скрытую в них огненную ярость.

Вообще-то бочонков должно было быть сорок три, но один из них не довезли.

Очень коварное вещество. Жаль погибшего возничего. Хорошо, что транспортировали их в одиночку.

Машину древних отбросило, она срезала край гребня на противоположном склоне оврага и исчезла из поля зрения Тиленара.

Облегченно откинувшись на спину, он, уже угасая от потери крови, улыбнулся. Они сделали это. Погибли, но сделали.

Молодой воин не видел, как оранжевая машина, пропахав борозду в только-только начавшей зеленеть степи, неуверенно приподнялась, зависла, провела экспресс-тест состояния систем, скинула по защищенному каналу связи отчет о повреждениях и отправилась добивать последнего защитника форта.

Шестой не был воином. Он не сумел вовремя заметить ловушку церковников. Но его броня и системы были созданы для войны, и пусть он получил повреждения – это не поставило крест на его боеспособности. Он выполнит миссию и вернется на базу для ремонта.

Запчасти не жалко: имея промышленные копии, наштамповать их – не проблема. Жалко потерять искусственный мозг, получивший ценный опыт.

Мозг не пострадал.

Глава 2

Трясина цепко держала добычу, но против усилий человека, упрямо отказывавшегося расставаться с конечностью, долго не продержалась. Увидев, что с подошвы стекают струйки зеленоватой слизи, Влад нахмурился. Выходит, под тонкой буровато-серой коркой находится та самая гадость, которая позавчера до дыр прогрызла его ботинки за пару часов, если не быстрее. Поспешно стряхивая едкую дрянь, он призадумался над следующим вопросом: сколько обуви осталось в запасе и сможет ли копир ее воспроизводить? С виду предмет не сказать чтобы очень уж сложный, но техника будущего иногда устраивала сюрпризы на ровном месте. Нет – понятно, что смертельно опасные энергоячейки «бытовому ксероксу» печатать вовсе необязательно, но почему он наотрез отказался снять копию с плаща Либерия? Церковник очень сокрушался, что одежда серьезно пострадала после всех злоключений, вот и решил из двух драных один относительно целый сшить. Но ничего не вышло.

Сколько обуви осталось в запасе, Влад тоже не мог ответить. Слишком трудный выдался путь, и слишком много приключений на нем пришлось пережить. И пережили их не все. Нет, люди в количестве трех единиц не потерялись. А вот с дронами дела обстояли куда хуже. Наспех приготовленные к путешествию через пустоши, они подводили на каждом шагу. Ну что взять с роботов-пылесосов и прочей бытовой и ремонтной техники? Их слабо защищенные интеллектуальные блоки приходили в негодность от радиации и агрессивных веществ; не приспособленные к таким реалиям, они часто совершали ошибки, из-за чего катастрофы следовали одна за другой.

В одной из таких аварий сразу четыре дрона, двигаясь гуськом, ухитрились тупо провалиться в оказавшееся бездонным озеро. Точнее, выглядело оно грязной лужей, хоть и большой, но не станешь же называть лужей прорву, в которой сгнуло несколько тонн техники и ценного груза? Дно, конечно, у нее имелось, но, судя по попыткам Влада провести промеры, до него все это добро добиралось долго.

Отчего возник этот провал – непонятно. Никаких признаков искусственного сооружения в том месте не было. Далеко не первая странность пустошей.

Вместе с дронами тогда ушло в бездну немало полезных вещей. Учитывая спешку, с которой бросали базу, и все последующие потери, теперь ни одна живая душа не могла сказать, сколько пар обуви удастся отыскать в уцелевших контейнерах.

В общем, подозрительного вида грязь он стряхивал с максимальным усердием, а потом попытался счистить ее остатки с помощью кусков ослизлого мха, содранных с затененной поверхности то ли природного валуна, то ли обломка древнего сооружения. Происхождение этого едва выдающегося над бескрайней равниной бугорка осталось неизвестным.

Владу он вообще-то напоминал курган языческих времен. Подобных рукотворных холмиков в степях Причерноморья и Приазовья раньше встречалось немало. Почему бы одному не сохраниться до этих дней? Если вдуматься, то нет в мире человека, кроме Влада, который вообще помнит такие слова, как «скифы», «сарматы», «половцы». Если, допустим, рассказать местным историю Святослава и его последнего боя с печенегами, то они воспримут ее как сказку.

Никто не помнит не то что древнерусских князей, а даже самого Влада. Точнее, не его, а эпоху, в которую ему довелось родиться. Древняя история убита наповал – этот мир начал жизнь с чистого листа, причем не один раз. И все его нынешние размышления не более чем попытка занять голову хоть чем-то, что выбивается за рамки доставшей до печенок непростой обыденности.

Второй месяц пошел, как караван из нескольких десятков дронов покинул атакованную радикалами древнюю базу. Вся последняя неделя пути пролегла по местности, назвать которую можно было одним коротким словом: Грязь.

От этой нескончаемой липкой грязищи уже давно хотелось завывать...

Сочтя, что ботинок вне опасности, Влад, наконец, забрался на вершину холмика и огляделся по сторонам. Первое, что он понял по результатам осмотра: зря спустился с дрона, рискуя обувью. Ничего того, что нельзя было разглядеть с приземистого корпуса бывшего складского робота-погрузчика, ныне ставшего «мулом» для перетаскивания контейнеров, Влад не заметил. Все та же равнина от горизонта до горизонта. Ее почти идеальную плоскость изредка нарушали холмики, подобные этому, и узкие русла крошечных речушек, воды в которых зачастую почти не было, несмотря на весеннюю распутицу. Как и течения. Будто вытянутые на манер макаронин мелкие озерца.

Мертвая равнина. За целый день пути лишь пару кривых деревьев повстречали и несколько корявых кустиков. Некое подобие буйства жизни наблюдалось только возле отдельных речушек и выражалось лишь густыми порослями подозрительно-рыжего тростника. Отойди на несколько шагов, и пучок прошлогодней травы станет редчайшей находкой.

А что это там? За небольшой лужицей с радужными разводами? Да это же несколько тонких стеблей ярко-зеленой травки. Весна даже здесь пытается свое урвать.

На душе при виде этой картины стало на градус теплее. Даже захотелось подойти и взглянуть поближе, но этот глупый порыв Влад задушил в зародыше. Уж он-то давно понял, что вся эта равнина – одна сплошная грязевая ловушка, проваливаться в которую при каждом шаге приходится чуть ли не по колено, а в местах возле подобных лужиц и по пояс случается. Колея, оставленная вереницей дронов, напоминала смолисто-черный след исполинской анаконды, проползшей по серой равнине. Гусеницы, колеса и полозья, на которые установили контейнеры, проделали канаву, которую не заметить невозможно. Отправь враг сюда воздушную разведку, и быстро обнаружит беглецов.

Влад нервничал уже не первый день. И не только из-за опасения перед авиацией врага.

Тейя не удержалась, прыгнула с контейнера, где оборудовала для себя что-то вроде гнезда и, ловко прыгая по камням, не дав трясине ни шанса, взлетела на холмик. Замерла рядом с Владом, переполненным разочарования голосом протянула:

– Ничего.

– Я так и сказал еще утром, когда на Эхнатоне все здесь облетел.

– Но Кос говорил...

– Я знаю, что говорил Кос. И еще я знаю, что у него нет нормальной оптики, так что видеть мелкие детали на поверхности Земли он не может.

– Крупные для него возможны для наблюдения. И косвенные данные обрабатываются.

– Ага, как же... косвенные данные. Однажды он не заметил, что вместо города образовалось озеро. Меня там, кстати, чуть не съели. Вместе с Либерием.

– Не ругай Коса, у него ограниченные возможности.

– Складывается впечатление, что у него их вообще нет. Одна пустая болтовня. Зря мы полезли на эту равнину, сразу ведь говорил, что надо попробовать с севера ее обойти.

К холмику подобрался дрон Либерия. Неудачно прыгнув, церковник почти по колену ушел в зеленую жижу и с показушной радостью воскликнул:

– Похоже, вы наконец-то нашли то, что искали?! Какая чудесная здесь мостовая. Просто прелесть. Тщательная подгонка каждого камешка, выверенный рисунок и ни пятнышка грязи даже в щелях между булыжниками. Древние все же умели строить – этого у них не отнять. Ну, так чего стоим, теряя время? Может, сразу в трактир направимся? Наваристый овощной суп с гречками и раскрошенным яйцом, тушенная в собственном жиру баранина с семенами

укропа, бокал темного пива прямиком из ледника – всего этого мне очень не хватало по дороге к этому прекрасному городу.

Тейя покачала головой:

– Это не город. Здесь никогда не располагался город. Я говорила такое не один раз. И Кос говорил.

Либерий, с чавканьем выдергивая ноги, уже другим тоном пробурчал:

– Здесь жили люди. Много людей. Значит, город.

– Они не жили. Жили не здесь, а в других местах. Сюда подземный путь вел, работал воздушный транспорт. Здесь они занимались деятельностью полезной. Промышленность. Цеха для разного всякого. И днем, и ночью здесь производились вещи.

– Днем и ночью? Значит, жили.

– Нет. Одни улетали и уезжали, другие на их место. Так все время менялись.

– И сколько здесь было людей вообще?

– Я не могу знать такое.

– Тысяча?

– Больше.

– Десять тысяч?

– Нет. Много больше.

– У нас село, в котором население достигает полутора тысяч, уже может получить статус города, если староста не полный дурак. Так что это место можно назвать точно так же.

– Хорошо, Либерий. Если тебе удобнее, мы назовем это городом. Пусть так.

– Ты это называешь городом?

– Да, так. Ты сам просил.

– Да что ты говоришь? Но я вижу только бесконечную грязь.

– Я, кстати, тоже, – поддержал церковника Влад.

– Где те мастерские, в которых делались корабли для полетов к звездам?

Тейя пожала плечами:

– Совсем нет. Не наблюдаются. Уничтожены. Наверное. Не знаю, как это сделали, но здесь теперь совсем ничего нет.

– Кос не мог ошибиться с координатами? – спросил Влад.

– С таким нет. Невозможность. Он плохо видит детали поверхности, но координаты не может перепутать. Наше положение определяет по связи и накладывает его на старые карты. Сейчас старые. В мое время было не так.

– Ну, это понятно. Просто я за последние два дня вообще никаких признаков старых сооружений не видел. А раньше мы только и делали, что через развалины пробирались.

– Все уничтожено сильно.

– Похоже на то. Грязь сожрала.

– Я вижу, вы не очень-то рады, что мы добрались до цели пути... – задумчиво произнес Либерий.

Ответом ему было молчание.

Чему радоваться? Что полтора месяца старались не попасть на ужин к тварям пустошей и все ради того, чтобы добраться до самого загаженного места на планете?

Естественно, подразумевалось, что здесь все должно было оказаться совсем не так. Нет, никто не надеялся, что в степях стоят законсервированные производственные объекты, с нетерпением дожидаясь сильно запоздавшую смену рабочих. И о складах, забитых всем, чего только душа пожелает, тоже не мечтали. Война не могла проигнорировать такую соблазнительную цель. Шлаковые поля, окруженные валами из обгоревших обломков, озера, оставшиеся на месте кратеров, изуродованные остатки сооружений – вот что здесь ожидалось увидеть.

Спрашивается: зачем переться в такую даль, если все это добро можно было без проблем найти на северных пустошах? Собственно, там и искать-то ничего не надо: куда ни плюнь, все тот же шлак и развалины.

Космос, чье имя произволом страдающей страстью к сокращениям Тейи (среди друзей просто Ти) обрезалось до Кос, полагал, что именно здесь велика вероятность найти сохранившееся хроноизолированное убежище, а может, даже не одно. По его данным, именно там укрылась часть персонала нескольких производственных объектов при первых ударах по району. В дальнейшем силы Красной Сети навели в остатках промышленного района кратковременный порядок, пытаясь наладить выпуск критически важных агрегатов для боевых кораблей, однако немало укрывшихся под землей людей так там и осталось. Их заводы были уничтожены, на уцелевших лишние специалисты не требовались, а на глубинах в десятки, а то и сотни метров куда безопаснее, чем на поверхности. Таким способом пытались сохранить кадры и население.

В те непростые дни подобная практика была широко распространена. Разрушенное коммунальное хозяйство городов, сложности с подвозом продовольствия и воды, биологическое заражение практически всей поверхности Земли делали жизнь гражданского населения непростой. А человек, запертый в хроноизолированном помещении, не нуждается ни в пище, ни в чистом воздухе.

Командование Красной Сети быстро осознало, что лучшего способа сохранить жизнь штатских, не задействованных на важных производствах, не придумаешь. Под хроноубежища поспешно приспособлялись все мало-мальски подходящие подземные сооружения. Даже Кос понятия не имел, сколько людей в них укрывалось. И уж тем более не знал, сколько их там уцелело до сих пор. Он лишь косвенно судил об этом, анализируя доступную ему информацию.

С вероятностью сорок семь целых, сорок четыре сотых процента он полагал, что здесь, под равниной, могут остаться работоспособными до трех убежищ. Вероятность того, что хотя бы один хроноизолятор уцелел до этих времен, повышалась уже до шестидесяти пяти процентов.

Кос считал, что такая величина достаточно интересна, чтобы ради нее рискнуть устроить долгий рейд на юго-запад. Влад тогда с ним согласился: на такую лошадку можно делать ставку. Нью робко возражала, намекая на свой вариант, но в целом была не против. Либерий вообще помалкивал, да его никто особо и не спрашивал. В крошечном коллективе положение церковника оставалось неопределенным: непонятно, с кем он и для чего. Ни прогнать, ни другим назвать нельзя.

Имелась еще одна причина. Необходимо было как можно быстрее и как можно дальше убраться от разгромленной базы. Вряд ли враги настолько безмозглы, чтобы не сделать простой вывод: кто-то там был, а затем ушел. И этот кто-то не является союзником.

Так почему бы не отправиться на юго-запад, раз все равно куда-то улепетывать надо?

И вот они пришли...

Нью указала под ноги:

– Может, там, глубоко, что-то осталось. И кто-то.

– Копать будем? – насмешливо уточнил Либерий.

Девушка почему-то отнеслась к шутливому вопросу серьезно:

– Как здесь копать? Грязно, все жидкое, яму заливать будет. Невозможность при наших силах. И еще мы не можем знать, где именно были убежища. Кос не может вывести нас на точные координаты. Ориентиров совсем не сохранилось здесь, совпадение со старой системой координат он не сделает. Все получается немного, может, чуточку приблизительно.

– Древняя, ты до сих пор не научилась нормально разговаривать.

– Могу. Но только когда неторопливо. Ваш язык архаичен, неудобен сильно. Влад учит нас, а ты только смеешься, когда он это делает. Зря делаешь так: на нем лучше общение.

– Вообще-то и мне приходится его учить, когда вас слушаю.

– Извините, что вас перебиваю, но, по-моему, сейчас не о лингвистике надо разговаривать, а о чем-то другом. Например – о том, куда нам дальше двигаться. Здесь, я так понимаю, делать нечего.

– Да, Влад. Я не верю, что убежища уцелели. Здесь случилось очень страшное что-то. Не знаю, что. Местность выровнялась совсем. Нужно много энергии на такое. Могло и подземные глубокие сооружения сильно необратимо повредить. Даже не могло, а должно было. Да, так.

Влад, не оборачиваясь, произнес команду:

– Презренный раб, устрой мне связь с великим космосом.

Он и без посторонней аппаратуры мог связаться с орбитой, но в таком случае в диалоге не смогли бы участвовать остальные компаньоны.

– Слушаю, – донеслось со стороны дрона Тейи.

– Кос, привет еще раз. Проверь наши координаты, мы вроде бы на месте.

– Да, вы в заданном районе. Заметили признаки убежища?

– Здесь вообще ничего нет: ни убежищ, ни развалин, ни даже камней приличных. Здесь даже тварей нет. Только грязь. Предыдущее место, в пустошах, было куда лучше на вид, хотя там ничего не сохранилось. Ты уверен, что это именно здесь?

– Сожалею, но моя аппаратура не позволяет без радиочастотных реперов осуществлять точную привязку. Только оптическую.

– На сколько ты мог ошибиться? На сто километров?

– Нет. Такие расхождения невозможны. Сотни метров, несколько километров в случаях значительного изменения ландшафта, вызванного существенными горизонтальными перемещениями поверхностных объектов.

– Уверяю тебя: на десяток километров вокруг ничего, кроме грязи, нет. Мы бы это обязательно увидели. Разве сам не можешь с орбиты разглядеть?

– Мои оптические системы не могут дать подробную картинку. Но я знаю, что отличия от довоенного ландшафта значительные.

– И все же послал нас сюда?

– Вероятность найти действующее убежище достаточно велика. Глубины их заложения позволяли уцелеть персоналу при сильных воздействиях.

– И при таких, когда наверху все становится ровным, будто блин, и в придачу залитым токсичной жижей?

– Не могу судить. Район был подвергнут массированным ударам в начальный период войны. У меня тогда не было командного допуска к системе. После его получения полный архив событий загружать не считал нужным. Любая информация – это нагрузка на систему связи и возрастание риска засечь получателя. Таким образом, я не могу знать все подробности произошедшего.

– Мог бы и покороче. Кос, мы залезли в болото по уши, и теперь понятия не имеем, куда дальше двигаться.

– Сбрасываю тебе схему с обозначениями ближайших мест, перспективных для поиска. Принял?

– Да. А что это за цифры рядом с красными точками?

– Точки – это обозначения перспективных мест; цифры – вероятность наличия там убежищ с уцелевшими гражданами Гармонии.

– Ты смеешься?!

– Вопрос неясен.

– Одиннадцать, четырнадцать, девять... О! Целых двадцать четыре – это рекорд! Здесь вероятность была сколько? Сорок семь? И что?! Да ничего! Мы тупо тонем в грязи! И ты предлагаешь отправляться дальше ради еще меньших шансов?!

– Сожалею, но более перспективные объекты располагаются на значительном удалении от вашего текущего месторасположения. С учетом факторов риска на дороге двигаться к ним в сложившихся обстоятельствах считаю неперспективным. Велика вероятность гибели.

– А база Дальфлота под Фарросом? – спросила Тейя. – Что с ней? Какая ее вероятность сохранения? Убежища с людьми?

– Четыре процента.

– Всего четыре?!

– Четыре целых, семь сотых.

– Там ведь много очень подземного сооружено было. И глубоко.

– В первые часы войны неподалеку случилась диверсия с заражением местности после взрыва как минимум двух энергетических ячеек, но база при этом не пострадала. Спустя две недели последовала серия ударов малой мощности и один удар боеприпасом на основе анти-серы. По моему приказу, на подобных объектах искали уцелевший персонал, но там никого не обнаружили. Поиском сильно мешал высокий уровень радиации и полное разрушение поверхностных сооружений.

– Под землей искали?

– Я не могу знать подробности. Баз Дальфлота было много, та, что возле Фарроса, не самая значительная из них. Могу сбросить вам отчет поисковой команды, но другой информации в нем не имеется.

– А я думаю, что они живы.

– Причины такого вывода?

– Они дальники, а дальники не умирают на Земле. И возле Земли не умирают. Их могилы за орбитами последних планет.

– А мемориальное кладбище Титана?

– Это были первые дальники. Тогда люди еще не выбирались за границы системы. Кладбище хотели перенести на Рею Алларда, но затем было принято решение сохранить его как памятник для самых первых дальников.

– Вот как? Не знал. Этой информации у меня не сохранилось. Но даже с учетом ее я не могу считать, что ты права в отношении всех дальников. База возле Фарроса погибла. Погиб ее персонал. Его испепелило. Сожалею, но традиция нарушилась: похоронить их на Рее Алларда было невозможно по причине отсутствия тел или сложностей доступа к останкам.

Тейя упрямо покачала головой:

– Они живы. Не все. Кто-то. Они там, под землей.

– Вероятность этого низка.

– Пересчитай. Может, она выше.

В голове Влада раздалось:

«Вынужден обратиться к тебе напрямую, чтобы не слышали другие. Есть вероятность, что у Тейи Наррис состояние, близкое к нервному срыву».

«У нас у всех такое состояние. Еще пара дней в этой грязи, и мы дружно сбрендим».

«Сожалею, но с вашей текущей скоростью передвижения придется двигаться не менее пяти дней, чтобы добраться до территории с другим ландшафтом».

«Это если двигаться в сторону того объекта с шансом двадцать четыре процента?»

«Да».

«А что там за ландшафт?»

«Визуально наблюдаю остатки сооружений и пятна растительности».

«Что-то вроде тех пустошей, что на севере?»

«Да, имеется сходство».

«У нас участились поломки дронов. Эта грязь их попросту сжирает. Если мы развернемся, то уже через два дня выберемся на твердую землю. И техника будет целее, и наши

нервы. Пять дней – это слишком. Я и так начинаю подумывать бросить один из регенераторов. Понимаю, что это не лучшая идея, но что-то ведь бросать надо, раз не на чем тащить».

«Влад, сожалею, что не осознавал всей тяжести вашего положения. В связи с этим предлагаю развернуться на юг. Уже завтрашним вечером вы доберетесь до территории с аналогичным прежнему ландшафтом».

«Покажи карту».

Познания Влада в географии нельзя было назвать великими, но и Бельгию с Нидерландами он не путал. На его взгляд, старая карта Коса если и отличалась от хорошо знакомых, то мелочами. Хотя как сказать... Аляска на ней соединялась с Чукоткой, а не разделялась Беринговым проливом, как прежде, Крым превратился в остров, Красное море из узкого залива между Азией и Африкой разрослось до почти равностороннего треугольника, Гавайи, вместо россыпи несерьезных клочков суши, превратились в два крупных острова. Ну и прочего хватало. Однако не узнать знакомые места было невозможно.

Если верить карте Коса, то караван сейчас находился неподалеку от северного побережья пролива, отделяющего Крым от материка. Раньше на месте моря находился Сиваш и Перекопский перешеек – это Влад помнил прекрасно.

«Кос, южнее нас море, если верить твоей карте. А ты говоришь, что нам туда ближе всего до нормальной земли».

«Насколько я вижу, моря там теперь нет. Характерных обширных зарослей болотной и озерной растительности тоже не наблюдаю. Зато наблюдал пятна зелени, характерные для степных ландшафтов. Предполагаю, там вам будет легче передвигаться».

«Опять предположения?!»

«У меня нет данных для точных выводов».

– Кос, чего ты так долго молчишь? – не выдержала Тейя.

За «глас с небес» ответил Влад:

– Он со мной говорил.

– У вас появились свои тайны от нас?!

– Никаких тайн. Он переживает за твои нервы.

– Мои нервы в полном порядке.

– Я тоже так считаю. Ладно, в общем, так: все плохо. Если двигаться к предполагаемому убежищу, то дней пять придется барахтаться в этой грязи.

– Мы бросили дрона вчера. И еще одного сегодня утром. Сколько еще придется бросить?!

– Я тоже умею считать, и мне это тоже не нравится. Надо отсюда выбираться, хрен с ним, с убежищем. Да и сомневаюсь, что оно целое. Хотя с той базой Кос все же угадал, всегда все знать он не может.

– Назад далеко идти. И не хочется. Так мы будем ближе к радикалам.

– Ненамного, даже очень ненамного, но вообще-то согласен. Предлагаю на юг двигать, там ближе всего к нормальной земле.

– Влад, но я карту смотреть, там море очень близко. Ты уверен, что на берегу будет лучше?

– Я ни в чем не уверен. Кос говорит, что моря там давно уже нет.

– Как нет?!

– А вот так. Вместо пролива, что в твои времена соединял Черное и Азовское моря, с севера теперь какая-то равнина зеленеющая.

– Почему? Куда пропадать море?

– Спроси что-нибудь полегче. Кстати, в мои времена там не было моря. Множество мелких озер-лиманов, которые называли одним словом: Сиваш, и перешеек, соединявший полуостров с сушей. А на карте Коса вместо всего этого широкий пролив. Кстати, старый пролив, который на востоке, и в мое время существовал.

– Извини. Забываю, что все поменялось после войны. Для меня ведь почти ничего не прошло. Я не привыкла к таким изменениям, я здесь недолго была.

– Ничего страшного. Я куда больше здесь проторчал и тоже не привык. Ну так что? Рискнем? На юг?

– Если ближе ничего хорошего нет, пусть так.

– Либерий, а ты не возражаешь?

– Удивлен, что про меня вдруг вспомнили и даже что-то спросили, но, переборов свое немалое потрясение, спешу согласиться с твоим предложением. Не будь при нас дамы, пусть даже она древняя, я мог бы многое сказать, стараясь в грубой форме подтвердить правильность выбора, но ограничусь приличной фразой: мне не хочется находиться в этой трясине еще пять дней.

– Итак, единогласно. Разворачиваемся на юг. И в честь поворота принесем жертву духам болота: оставим здесь один регенератор.

– Влад, ты чего?! – вскинулась Тейя. – А если двое пострадают, как мы лечить их одним станем?

– Не знаю. Зато точно знаю, что до вечера у нас останутся еще два дрона, они последние часы идут с перегревом. Если этот ремонтник возьмет с них часть груза и облегчит еще несколько машин, мы имеем шанс дойти без потерь.

– Лучше бросить что-то другое.

– И что предлагаешь? Одежду? Еду? Предметы гигиены? Энергоячейки? Картриджи для копира и медблоков? Мы и так оставили по минимуму запасов. Дальше придется оставлять то, без чего нам непросто будет обойтись.

– Бросим то, что не сможем создать при помощи копира.

– Картриджи, еда, блоки интеллекта, энергоячейки – ты все это хочешь оставить? Без еды не прожить ни нам, ни тем, кого мы найдем; блоки интеллекта – это наше будущее, без них нам не оживить сложные машины; энергоячейки – это пища дронов, самое сильное наше оружие и прочее-прочее. Посмотри назад: у нас осталось всего девять дронов, и самые мощные из них тащат регенераторы. О картриджах с редкими элементами для копиров вообще молчу. Разве не помнишь мои рассказы? Как мы долго и нудно добывали для них сырье.

– Извини. Помню.

– Даже если бросим регенератор, не уверен, что машины выдержат остаток пути по этой грязи. Одну потерять еще ладно, потеряем две, придется бросать добро прямо в эту жижу. А регенератор можно оставить здесь, на холмике, и потом за ним вернуться. Ничего ему не сделается. В этих краях даже тварей нет, его никто не повредит.

– Я уже извинилась. Хорошо, согласна: оставим один регенератор. И еще можно попробовать что-то на Эхнатона погрузить.

Боевой дрон, услышав свое имя, шустро подлетел и, описывая вокруг холмика круги малого радиуса, прогудел:

– Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три продолжает выполнять боевой долг. Состояние систем удовлетворительное. Готов к атаке и обороне.

– Нет, Ти, наш краб пойдет налегке. Танки грязи не боятся, но и телеги с навозом не таскают.

– А что такое танки?

Глава 3

Предсказания Коса далеко не всегда сбывались, но в этот раз он ни на каплю не ошибся. На другой день, задолго до вечера, далеко впереди Либерий разглядел что-то новое, выбивающееся за рамки опостылевшего однообразия: изменение цвета равнины. Влад, оставив караван, отправился в разведку на Эхнатоне. Боевой дрон, не будучи обременен тихоходными гражданскими собратьями, полетел так, что пришлось придерживать шапку.

Если раньше даже единичные травинки на серой грязи были нечастым явлением, то чем дальше продвигался Эхнатон, тем больше их попадалось. И не единичных, а приличных пучков, а затем и небольшие полянки начали встречаться. Правда, ставить на них ногу Влад бы поостерегся, но все равно признаки были перспективные.

Вскоре дрон донес пассажира до местности, где серой корки на подсохшей грязи вообще не наблюдалось. Тощий дерн затягивал песок, там и сям прорывающийся желтоватыми проплешинами, далеко впереди виднелись группки невысоких деревьев, только начавших зеленеть.

Рискнув спуститься, Влад убедился, что почва твердая. Присел, вырвал клочок тонкого дерна, набрал горсть песка, поднес к глазам. Мельчайшие обломки ракушек, вон среди них что-то вроде крохотного стеклышка блеснуло. Или это просто кусочек прозрачного минерала? В любом случае по этой почве дроны промчатся если не с ветерком, то без надрыва своих двигательных установок, починить которые не всегда получалось даже с помощью копира. Слева тянутся заросли сухого прошлогоднего тростника, кое-где среди них зеленеют молодые побеги. Там, наверное, влажная почва или даже болотце. Но в любом случае не токсичная безжизненная грязь, убивающая обувь и технику, да и никто не станет переть через такие места напрямик, если их можно объехать.

Кос и правда не ошибся с выбором направления.

* * *

Не считая Эхнатона, на твердую землю выбрались всего восемь дронов, один все же пришлось бросить прошлым вечером. Это примерно двадцать процентов от первоначального количества. А ведь путешествие еще не закончено, да и неизвестно, есть ли у него вообще конец.

Едва грязь осталась позади, как устроили привал на ночь. Двигаться дальше побоялись: темнота вот-вот спустится, вдруг на шум сбегутся здешние твари. За последние дни от них успели отвыкнуть. Влад специально обошел окрестности, изучая следы на песке, и, хотя не заметил ничего подозрительного, расслабляться не стал.

А потом, после заката, вдруг расслабился. Крышкой контейнера вырыл ямку в песке, окружил ее бруствером, притащил стебли тростника и сухие ветки кустарника, развел крошечный костерок.

– Для чего ты сжигаешь органику? – удивилась Тейя.

– Тащи сюда пайки. Будем ужинать, сама поймешь.

Разогревать пищу в пайках не требовалось: что надо, само разогревалось после разрыва оболочки. Влад все-таки пояснил:

– Просто присядь возле костра на охапку тростника и поешь, глядя на огонь. Обещаю: тебе очень понравится.

Либерию ничего объяснять не надо было – ухватил паяк, подстелил сложенный несколько раз плащ, присел, пробурчал:

– Да разве это костер? Вы костров не видели.

– Большой опасно. Равнина плоская, видно издали. Мало ли кто заметит.

– Это ты прав, – согласился церковник.

Тейя, не забывая о пайке, удивилась:

– И правда интересно смотреть. Почему так, Влад?

– Ты разве никогда у костра не сидела раньше?

– Нет. Зачем? Не было смысла.

– Эх... да как же вы вообще жили?.. Я и сам не знаю, почему возле костра приятно посидеть. Есть мнение, что это срабатывает память предков. Они с помощью огня защищались от хищников. Для них пламя – это символ защищенности, спокойствия.

– Что за хищники опасны были для предков твоих?

– Не моих. Твоих. Всех нас. Древние люди. Жили в дикой природе, прятались в пещерах. У них из оружия были палки, камни, ну и собственные руки. А в те времена водились звери с клыками в две ладони длиной. От таких только огонь и спасал.

– Как давно это было?

– Очень давно. За тысячи лет до моего рождения. Хотя даже в мои времена оставались небольшие кучки людей, живших в прежних условиях. Мы их называли «отсталые племена» или «дикари». Цивилизация их почти не коснулась.

– Камни? Палки? – удивился Либерий. – Да ты, Влад, совсем древний.

– Я это и говорил всегда.

– Никогда бы не подумал, что у тебя настолько все плохо было.

– А у вас сохранилась память о дикарях?

– После войны, когда только в наших землях выжили люди, прошло несколько веков, и открылся путь на восток. Раньше туда не пройти было из-за отравы. Любопытный народ нашел безопасные тропы и открыл новую землю. Там, по правде сказать, и земли-то почитай нет, одни болота, а жили там такие, как ты рассказывал: с палками и камнями. По-нашему ничего не понимали, язык у них был как у древних, но проще. Мало нормальных слов осталось. Ох и натерпелись наши первопроходцы от них. Закончилось все тем, что конклав объявил их утратившими человеческий облик зверьми и повелел поступать с ними, как поступают с опасными животными.

– И что дальше было? – оторвалась от еды Тейя.

– Кого побили, кто ушел в пустоши помирать. Некоторых приучили к нормальной жизни. В основном, конечно, девок, из тех, кто посимпатичнее. Среди наших удальцов, которые первыми туда уходили, баб вообще не было, вот и набирали на месте, оседали, хозяйством обзаводились, детьми. Теперь там не так, как прежде, но все равно чудные земли. Живут почти без власти церкви, уж очень трудно их там, в болотах, в кулаке держать. Да и невелико сокровище, недалеко от прежних дикарей, как ты их назвал, ушли. Вроде и нормальные люди, но никому толком не нужные.

– В мое время на востоке, за горами, тоже болот много было. Там нефть и газ добывали. Может, ты про эти места говоришь?

– Откуда мне знать? Ты вот лучше скажи, что мы дальше будем делать. Мне о таком было бы интересно послушать.

Влад пожал плечами:

– Сам не знаю. Может, попробуем найти путь к убежищу не через грязь. Илиждемся лета, когда она подсохнет.

– Не верю, что она даже в засуху подсыхает, – покачал головой церковник.

– А может, к базе дальников сходим? Она не так уж далеко отсюда, – предложила Тейя.

– Там всего четыре процента вероятность найти выживших, – напомнил Влад.

– А я думаю, что Кос ошибается.

– Это у тебя интуиция.

- Может, и так.
- Вообще-то женской интуиции в мое время многие верили...
- Так мы пойдем туда?
- Покажи на карте, где эта база была.

Ти задрала рукав куртки, обнажив тонкий браслет. Из простенького украшения вырвался лучик, быстро развернувшийся в плоское изображение. Влад уже сталкивался с этим фокусом и знал, что, с какой стороны от носителя ни сиди, все равно картинка будет находиться нужной стороной к тебе.

По карте забегала красная точка указки, замерла где-то в районе южного берега Крыма – далекого будущего для Влада, настоящего для Тейи и прошлого для Либерия.

– Это Фаррос. Маленький как бы город. Место, где люди с высоким ти могли отдохнуть от забот разных. Творческие ти там жили очень подолгу, делая всякое красивое. А вот здесь, к востоку, база Дальфлота. Она не такая, как орбитальные и лунные, совсем незначительная, но у нее история богатая очень. До базы там имелось место, где ученые следили за небом дальним. Когда пришло время посмотреть на дальние небеса вблизи, там же создали базу. Самая первая база получилась. Древняя очень. Рядом места, где отдыхают люди, нельзя было много места занимать, портить красоту горных лесов и берега моря, потому многое оставалось под землей. Наверху мало совсем. В моем времени наверху остался только центр учебы и немного другого. Там учились новички, желающие пойти в дальники. Их дома для жилья стояли возле берега. Красиво, я помню. Сама база севернее, но недалеко совсем.

– Кос говорил, что базу уничтожили.

– Да, так, наверное. Но ведь не сразу, не в самый первый день. Дальники умеют оставаться целыми при катастрофах всяких. Они должны были укрыть своих. Пусть не всех, но кого-то должны. У них большое количество хронохранилищ было. Склады, много разного держали. Там обязательно кто-то остаться должен.

– А ты уверена, что море не затопило это место?

– На том, что передает Кос, моря нет.

– Чтобы добраться туда, придется перебраться через горы. Дорог давно уже нет, как и троп. Непросто нам придется.

– Что хуже грязи быть может? И горы там незначительной высоты. Вот сюда если двигаться, они совсем маленькие. Там доберемся до побережья и будем двигаться вдоль него. Возле моря станет легче.

– Откуда знаешь? Ходила там?

– Да, я же слушательница открытых курсов Дальфлота. У нас походы пешие в программе были.

– И как же ты ходила в походы без костра?

– Не знаю. Один поход был у нас. Костер зачем, если завтраки греются сами? И спальные мешки тоже с подогревом. Удобно очень.

– Разве это поход? – буркнул Либерий. – Насмешка какая-то. Вот у нас в ордене совсем не так учили.

– И как же?

– Ну... В первый раз совсем просто. Раздели до подштанников, дали нож и оставили на острове среди болот. Вернулись за мной через десять дней.

– И как там было?

– Да нормально. Чуть стройнее только стал, и с тех пор ненавижу комаров до зубовного скрежета. А лягушки – ничего еда. Но сырыми есть не советую, живот от них болит.

– Какая гадость!

– Ты просто не пробовала.

– Ты хорошо помнишь местность, где через горы пройти можно? – спросил Влад.

- Вот тут большой жилой комплекс, надо к нему сперва идти, а потом на юг прямо.
- Город – в смысле?
- Ну да, так мы жилые территории называли. Я попыталась приемлемое слово из вашего языка подобрать. Самый большой комплекс на острове.
- Крым больше не остров, – поправил Влад.
- Ну, я так, привычка говорить.
- Тогда я буду называть его полуостровом. – Влад улыбнулся.
- Любите вы, древние, путаницей заниматься, – заметил Либерий. – Ну так что вы там решили?
- А сам как думаешь?
- Влад, я просто иду за вами, думать – это ваша забота.
- Встречный вопрос: зачем идешь?
- А я любопытный очень. Интересно узнавать новое. А с вами сплошные новости.
- Ладно, тогда я голосую за предложение Ти.
- Девушка захлопала в ладоши:
- Как хорошо! Либерий не голосует, а я тоже буду «за». Мы пойдем в Фаррос.
- Ты первая ночью дежуришь, – заявил на это церковник.
- Следов тварей не было, не наблюдались, может, Эхнатона хватит? – попыталась увильнуть девушка.
- Я не доверяю древним жестянкам.
- Я тоже древняя. Мне, значит, доверяешь?
- Ну, ты ведь не жестянка.

Глава 4

Эхнатон, примчавшись издалека, прогудел:

– Обнаружена активность биологической природы. Замечены две цели. Идентификации не поддаются.

– Животные?

– Ответ невозможен. Биологическая природа. Возможны скрытые особенности. Для уточнения следует приблизиться на минимальную дистанцию, но это запрещает директива не позволять себя обнаруживать.

Влад остановился, подождал, когда подъедут дроны спутников:

– Эхнатон где-то впереди заметил пару тварей. Говорит, что таких еще не встречал.

– Мы значительно удалились от места его действий, тут может быть все другое, – предложила Ти.

– Метаморфы по всей Земле применялись?

– Я знать такое не могу. Но если и не на всей, то им не было значительных помех распространяться далеко. Наверное.

– Что раньше было в этой части острова?

– Аграрные ярусы.

– Это как?

– Частично подземные конструкции на много этажей. Каждый этаж – площадь для выращивания растений в пищу.

– Фермерские хозяйства, получается?

– Не поняла вопрос.

– Ну, в смысле мало населения, много свободной территории?

– Наверное, так. Нет смысла многим жить, для аграрного яруса мало присмотра надо. Автоматика все производила.

– Держите оружие наготове, двигаемся без интервалов. Похоже, спокойные времена остались позади вместе с грязью.

– Лучше уж твари, чем грязь, – буркнул Либерий, проверяя, легко ли выходит из ножен самодельный тесак из стали, некогда являвшейся частью детали для космической техники.

* * *

Рос выбрался из самодельного седла, закрепленного на броне дрона, изучил отметины на земле, оставленные неведомыми тварями, расхохотался.

– Ты чего? – удивилась Тейя.

– Либерий, ответь ей.

– Пусть меня покарает небо, если я вру, но это просто следы бизонов.

– Бизонов? – удивилась Тейя.

– Вот именно. На юге наших территорий их полным-полно. Приходят обычно в конце весны, зимой откочевывают куда-то южнее, прямо через пустоши. Наши умники считают, что где-то там есть территория с климатом помягче и не такая опасная, как пустоши. Вот она, оказывается, где.

– Они опасны?

– Ну, попадаться на пути стаду я бы не стал, а так первыми они не полезут никогда. Это если их не раздражать. Разозлившийся бизон – та еще проблема. К тому же они друг за дружку любят заступаться.

– В мои времена большая часть Крыма была покрыта степью, – сказал Влад. – Сплошные поля. Должно быть, хорошее пастбище получилось.

– Так бизоны не метаморфы? – уточнила Тейя.

– А ты разве не знаешь, кто такие бизоны? – удивился Влад.

– Может, и знаю, но в языковой базе нет такого.

– Зубра знаешь? Или быка простого?

– Да, знаю.

– Бизон вроде них, живет в степи, держится большими стадами. Вообще-то он американский зверь, но, похоже, его сюда переселили.

– Американский?

– Два материка, которые на западе от нашего, в мое время назывались Северной и Южной Америками. Бизоны обитали в Северной.

– На пустошах не было обычных зверей. Метаморфы только.

– На границе пустошей, к северу от них, зверья полно, – вспомнил Влад.

– Да? А я уже обрадоваться, думала, тварей совсем не будет, раз простые звери живут.

– Может, охоту устроим? – предложил Либерий.

– Как это? – не поняла Тейя.

– Завалим бизона, мяса поедем, а то эти пайки поперек пищевода уже давно стоят.

– Есть животных?! Как можно?!

– Еще как можно. Вы разве там, в своем прошлом, не ели мясо?

– Ели.

– Так чего нос кривишь?

– Наше мясо делали на аграрных ярусах. Оно росло там.

– Как это мясо может расти?!

– Растительные модули, специально создаваемые. Они выращивают животную ткань, ее используют в пищу.

– Не сравнивай траву и мясо.

– Выращенное мясо идентично почти полностью тому, что имеется у животных.

– Ты здесь видишь траву мясную?

– Нет. Ее не может быть. Ей нужны специальные условия и обслуживание. И размножение у нее сложное. Она не могла сохраниться.

– Значит, не видишь?

– Сказала же, нет.

– А я вот вижу, что у нас очень мало машин осталось и мы много добра побросали. В том числе и пайки. Еды осталось не сказать чтобы много. Так что завалим бизона и устроим праздник объедения. Все осознала?

– Да, так. Извини. Я не думала над этим. Ты прав, надо есть пищу, какую получится добыть. Нам надо экономить резервы.

– Влад, давай, сгоняй на Эхнатоне. Они не могли далеко уйти. Только пусть осторожно стреляет, и не огнем. А то разнесет в клочья, а затем спалит их, я его знаю.

– Сгоняй лучше сам, а то вижу: рвешься всей душой.

– Охота – мужская забава. Может, вдвоем?

– Нет. Опасно Те одну оставлять.

– Да, верно. Я быстро обернусь, разделывать здесь буду.

– Давай.

Церковник забрался на броню боевого дрона, уселся в неказистое кресло, одно из двух, устроенных общими усилиями при помощи подручных средств, и скомандовал:

– Давай, ямщик! Трогай!

– Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три интересуется вашим допуском к одиночному движению и траекторией маршрута.

– Слышишь, ты! Жестянка! Ты все сам слышал: Влад разрешает! А насчет траектории: дуй к ближайшему бизону, который здесь наследил.

– Принято. Выполняю.

– Йо-хо! – выкрикнул Либерий уже издали.

– Иногда он ведет себя как ребенок, – тихо заметила Тейя.

– Почти все мужчины такие.

– Он очень взрослый. Сколько ему лет?

– Откуда мне знать? Я и о своих годах представления не имею. Это если учитывать те, которые прошли мимо меня, пока торчал под землей. Да и без них не все просто. К примеру: когда теперь день рождения праздновать? Календарь ведь совсем другой, и даже дней в году почему-то на один меньше.

– Да, знаю. Неточность или изменение орбиты произошло. Надо Коса расспросить когда-нибудь. Ты согласился искать базу дальников, только чтобы мне сделать позитивное?

– Правильнее будет говорить: «Сделать приятное».

– Извини, ошибки и неточности допускаю.

– Ты не виновата.

– А что ответишь?

– И это в том числе.

Тейя улыбнулась:

– Спасибо тогда. А что еще?

– Ну... куда-то ведь надо двигаться? Куда приятнее на южный берег Крыма попасть, чем опять в грязь забираться.

– Да, так. Грязь совсем плохо. Не стоит никаких вероятностей попадать туда опять.

– Тебе хорошо будет, если там найдешь своих...

– Почему ты не радостно сказал это?

– Заранее ревную тебя к ним...

– Как мужчина ревнуешь?

– А как еще можно ревновать?!

– Странное поведение. Перед такими заявлениями в моем времени мужчина должен был провести длительный ритуал ухаживания. В твоём не так разве было?

– Так. Но времени на долгие ритуалы нет. К тому же я сильно подозреваю, что ты будешь не в восторге, если за тобой начнет приударять парень, не мывшийся больше месяца.

– Да, сомнительно проявление восторга от такого. Но и я в таком же положении гигиеническом. Я грязная до противности себе.

– Угу. Я тоже сам себе противен. Так что давай найдем где-нибудь воду нормальную, а уж потом начну цветы дарить.

– Цветы? Зачем?

– У нас так было принято.

– Подарить растения, и девушке это радостно?

– Сам поражаюсь их странностям, но все было именно так.

– Да. Удивительные у тебя времена были. И, Влад, не надо торопиться с ревностью и прочим. Я вообще о таком еще не задумывалась. Не до личных отношений было. А сейчас тем более нельзя думать о таком.

– Ну, я так, на будущее клинья подбиваю. Должно же у нас что-то когда-то наладиться?

– И где мы будем обитать? Жить нормально?

– Люди здесь живут. На севере. Города, деревни, народа много.

– Да, я знаю. Но там церковники.

– Один из них и здесь имеется.

– Ну, он другой. Не такой, как они.

– Ошибаешься – это один из самых известных инквизиторов. Настоящий мастер по искоренению древней скверны. Его посылали разбираться с самыми тяжелыми случаями. Вроде моего. Так мы с ним и познакомились.

– Но он ведь тебя не отдал? Помог?

– В тот раз у него не было выбора. А до этого наша встреча закончилась очень плохо.

– Да, ты рассказывал. Но я думала, что он просто воин церкви.

– Один из лучших ее воинов. Но его перевели на другую работу. Повысили.

– Ясно мне. И совсем ничего не ясно. Все одновременно. Путаница.

– Либерий с нами не просто так. Он не один год воевал с запями, которых натравляют радикалы. К тому же из отдельных обмолвок я понял, что его родная деревня оказалась в карантине из-за болезни, против которой нет спасения. Это приговор жителям. И главные подозреваемые в распространении болезней сама знаешь кто. Так что к радикалам у него особое отношение. И не только у него: все военное крыло церкви на них давно зубы точит. Они и наши враги. Я думаю, ради того, чтобы с ними покончить, такие вояки, как он, готовы с нами договориться. Не зря же он к нам прилип: думаю, присматривается. Наверное, рассчитывает, что мы каким-то образом разделаемся с радикалами. Или поможем это сделать. И за это готов закрыть глаза на наше происхождение. И другим их закроет: военные наверняка его поддержат, а ссориться с ними конклав вряд ли рискнет. Или вообще переворот устроят – в мои времена это было обычным делом. Так что шанс зажить нормальной жизнью на севере у нас есть.

– А если не получится?

– Будем искать твоих, пока не найдем.

– А если не найдем?

– Не знаю, Ти... не знаю...

* * *

Достав из котла очередной кусок разваренного мяса, Влад сказал:

– В мое время на природе мы жарили его на металлических прутиках над углями и называли такое блюдо «шашлык».

– У нас тоже так делают, – жуя, заметил Либерий. – Только перед этим вымачивать надо в уксусе или в перемолотых помидорах. Можно со специями. В пиве тоже ничего получается, если не в темном. И лучше всего брать барашка или свинью.

– У нас тоже мариновали обычно, забыл сказать. И соус к нему полагался, и лук кольцами резали.

– Значит, времена у вас неплохие были, раз умели мясо готовить на костре. И мясо, наверное, было нормальное, а не на кустахросло.

– Наше мясо тоже хорошее было, – буркнула Тейя. – Это жесткое и невкусное. И противно думать, откуда оно произошло.

– Так котел неудобный, в нем как следует не пригостишь. И специй никаких нет. А насчет того, откуда оно взялось, – привыкай.

Вместо котла вообще-то использовалась какая-то деталь от той же космической техники. Часть защитного кожуха хрупкого прибора или что-то вроде этого.

– А почему вы не приготовили этот шашлык, раз он такой хороший? – поинтересовалась Ти.

– Бизон старый, мясо не ахти, – ответил Либерий. – Да и мариновать не в чем. У нас вообще ничего нет. Есть, правда, способ, прямо в крови выдержать, но там мудрить надо, и

не всем нравится такое. Проще уж сварить. Но обещаю, древняя: угощу еще тебя мясом с угольков. Обязательно найдем подходящую дичь и что-то придумаем с маринадом и прочим.

Глава 5

К развалинам древнего города подошли на следующий день, когда до вечера оставалось часа три. Все так же, как было на севере: всхолмленная из-за затянутых почвой груд обломков равнина, отдельные частично сохранившиеся сооружения, ржавые каркасы величественных зданий и нечто неуловимое, не выразимое словами. Будто на кладбище смотришь: такое же мрачноватое впечатление.

– Не хочется туда соваться, – заявил Влад, когда все трое с пригорка осматривали открывшуюся картину.

– Испытываю аналогичное нежелание, – кивнул Либерий.

– Обход будет длительный, – заявила на это Тейя. – И там тоже много мест жилых по пути имеется. Все с этой стороны гор жилым было. Много количества населения.

Влад указал на запад:

– Там, похоже, речушка или ручей. Предлагаю там остановиться, запасы воды пополним. И устроим себе банный день.

– Где ты видишь баню? – буркнул церковник.

– Котел есть, воды нагреем и обмоемся в камышах. А то в безветренный день задохнемся от своих дивных ароматов.

– Дельно говоришь, – кивнул Либерий. – Животные запах человека издали чуют, твари тоже. А нас, наверное, от самого горизонта унюхать можно. И постираемся заодно.

– Чистая одежда есть.

– Не так уж ее много.

– Грязную и потом постирать можно. У нас всего один котел, а вода сейчас ледяная.

– Уговорил. Небось, просто боишься, что в руинах тварей полно, вот и решил помешать им чуют нас издали?

– Об этом я вообще не думал. Надоело уже: сильно грязью заросли, на людей непохожи. Да и выйти лучше с утра. Может, получится за световой день проскочить через руины. Очень не хочется там ночевать.

– А у меня вот предчувствие, что нет там ничего. Я о тварях.

– Не доверяю я твоим предчувствиям.

– А Ти, получается, доверяешь, раз поперся на ту базу? Эх... дураками мы становимся при виде смазливой мордашки...

– Попробуй побриться, может, и тебе доверять начнет, – с самым невинным видом предложила Тейя.

* * *

Влад восседал на тихоходном дроне, передвигающемся на гусеничном ходу. Робот делал это с дивной плавностью, не подпрыгивая на самых серьезных ухабах, что на этой усеянной обломками местности было очень приятно. Но Влад все равно был недоволен.

За каждой грудой обломков, углом остатков здания, ржавым механизмом – везде мерещились затаившиеся монстры пустошей. За свою короткую жизнь в этом изменившемся мире он успел из-за них горя хлебнуть. И голову ему проламывали, и жгли какой-то химией – всякое случалось. Тейю однажды пришлось со всей возможной скоростью тащить обратно на базу, когда она едва не погибла из-за банального камешка, выпущенного из уникального оружия одной неприятной твари.

Влад был недоволен своей беззащитностью. Безопасность всего отряда зависела от Эхнатона. Случись что с ним – они потеряют девяносто девять с лишним процентов своей мощи.

И что им останется?..

Ружья конструкции Влада. Как конструктор он чуть более чем отрицательная величина, так что даже не попытался воссоздать свой старый добрый дробовик, коего лишился по вине церковной шайки, возглавляемой Либерием. Спасибо, что в памяти копира остались патроны. Именно отталкиваясь от них, он соорудил три одноствольные громоздкие «берданки», перезаряжать которые было сущим мучением.

Но этим их минусы не ограничивались. Тяжелые – даже Владу непросто было целиться из положения стоя, а уж о Тейе и говорить не приходится. Да и целиться – громко сказано. Меткость оставляла желать лучшего, разве что картечью метров на тридцать палить. Зато нет проблем с боеприпасами благодаря тому же копиру и запасу веществ для их производства, прихваченному с базы.

Были еще пистолеты, но их к средствам дальнего боя отнести было так же трудно, как «изобретения» Влада. С таким вооружением он бы ни за что не смог тогда, в пещере, отбиться от настырных церковников. Засыпали бы стрелами с края ущелья, а он бы ни одного лучника не снял.

Пожалуй, на тесаки и легкие алебарды «конструкции брата Либерия» надежды было куда больше, чем на весь огнестрельный арсенал.

Единственное, что хоть немного вдохновляло, – гранаты. Причем не пороховые: на базе нашлись заряды взрывчатки. Их вроде применяли для отделения сбрасываемых обтекателей на какой-то технике, Влад не сильно вдавался в подробности. Просто вручную набил пластичной массой тонкостенный стальной цилиндр, вставил его во второй цилиндр, чуть большего диаметра, а в зазор между ними насыпал металлические шарики. И потом просто копировал с образца. Увесистых осколков выходило столько, что можно было одним взрывом толпу тварей перекалечить. Одно напрягало: перед применением приходилось поджигать тонкий фитиль, на создание надежного запала Влада не хватило.

С ружьями, сделанными чуть ли не из водопроводных труб, с бомбами, мало чем отличавшимися от тех, которыми анархисты убивали царей, и с битыми жизнью пистолетами много не навоюешь. Вот и нервничал Влад. Если в начале весны они двигались по пустошам, населенным более-менее знакомой фауной, и серьезных сюрпризов она не преподносила, то здесь все могло оказаться иначе. Другие места – другие твари.

Не один он нервничал. Даже внешне невозмутимый Либерий очень уж крепко сжимал ружье, да еще то и дело поглаживал рукоять тесака. Тейя передвигалась на единственном дроне, оборудованном самодельной кабиной, но и она посматривала тревожно. Пустоши – рассадник самых разных созданий. В том числе и таких, которые могут одним взмахом лапы порвать тонкий металл. Ничего более основательного на базе создать не успели из-за нападения радикалов.

Эхнатон, непрерывно описывавший круги в воздухе, вдруг завис над землей. Что-то подозрительное почуял. Не факт, что опасность: он чуть ли не каждые пятнадцать минут так останавливался, реагируя на что-то, заметное лишь ему.

Влад остановил своего дрона, обернулся, уверился, что караван движется кучно, ни один не отстал. И замерли они без команды, почти одновременно. Долгая учеба выдалась, теперь на автоматизме все действовали.

– Что там нашей железяке опять не нравится? – буркнул Либерий.

– Не знаю. Почуял что-то.

– Я тоже чую что-то, не хуже последнего пса с вами стал... Чую, что надо побыстрее сваливать из этого места.

– Тут вроде бы спокойнее, чем на севере. Пока что ни одной твари не встретили.

– Ненавижу пустоши. Сейчас спокойно, а через минуту их толпа налетит.

Церковник погладил рубец на щеке – мелкий привет от шустрой твари, прорвавшейся к колонне в самом начале путешествия на юг.

Тейя выбралась из недр дрона, шагнула было к возвышавшимся слева руинам, но была остановлена окриком Влада:

– Ты куда?! Если надо отойти, предупреждай! Все забыла?!

– Извини, – потупилась девушка. – Мне не надо отходить. Просто... Просто я помню это место. Я была здесь. Тогда. Раньше.

Влад слегка удивился. Как по этим бесформенным остаткам зданий, к тому же засыпанным обломками, можно как-то ориентироваться? По его мнению, весь город превратился в сплошную свалку, где отсутствует даже намек на какой-либо порядок. Хотя вон, слева, что-то вроде колпака диаметром метров тридцать, из металла, не затронутого ржавчиной. Пусть и помято сильно, рваных и оплавленных дыр хватает, но прежняя форма угадывается. Наверное, раньше эта штука торчала украшением на крыше или служила для других целей, но в любом случае она была приметной и таковой осталась.

Либерия посетили схожие мысли. Он указал на колпак:

– Что это было?

Тейя ответила очень тихо:

– Дом детей. Раньше этот металл был покрашен весело, ярко. Он стоял на тонкой ножке, а перед ним была смонтирована телепортационная установка. Мы не научились отправлять объекты далеко, но на небольшое расстояние получалось. Это было безопасно. Дети подходили по очереди и оказывались внутри, на мягком покрытии, на круге, который вращался. Из-за вращения и неожиданности многие малыши не удерживались на ногах и падали забавно. А потом садились возле стен и смотрели, как появляются новые. И хлопали в ладоши, и смеялись, когда кто-то падал так же, как они. Весело получалось, и еще таким способом они знакомились с достижением науки. Все дети сюда ходили, и многие не один раз. Извините, я просто хотела заглянуть внутрь. Я знаю, что не надо этого делать, но почему-то захотела...

– Детей, наверное, увели, когда все началось, – как можно более невозмутимым голосом попытался произнести Влад.

Вышло не слишком убедительно, уж очень задел короткий и бесхитростный рассказ о веселом прошлом этого места.

– Да, их точно увели. Не до веселья стало, – так же неестественно бодро добавил Либерий.

Тейя вытерла выступившие слезы, срывающимся голосом поблагодарила:

– Спасибо. Вы хорошие люди, если так думаете. Но я точно знаю, что было все по-другому. Здесь, в этом месте, был взрыв. Как и во многих других местах. Самые первые взрывы. Я тогда была на станции еще и видела сообщения об этом. Колпак Мудрого Шутника сорвало с его места. Те дети, которые не погибли сразу, получили высокую дозу радиации. Даже в зрелом возрасте регенерация после такого усложнена значительно. Дети... Дети обречены... Там, где мы стоим, раньше был бассейн из разных цветов плитки, в нем плавали светящиеся рыбки, через него был перекинут мостик. Пары с эмоциональной привязанностью часто на нем стояли, такая традиция. А там, где висит Эхнатон, справа, был выход туннеля обслуживания. По нему машины радикалов появились здесь и начали убивать спасателей. И уничтожать все вокруг. И против них тоже оружие привели, таких же, как он, Эхнатонов или похожих на него. Трое их было, они погибли сами и убили всех, кто появлялся из туннеля. Тут не было сильного оружия применения, много радикалов обитали не так далеко, опасались своим навредить. Взрыв, которым убили детей, один всего был. Вы ведь видите, что дальше здания не так сильно разрушены. Людей здесь потом убивали машинами и разным, а не взрывами. Либерий, я хочу узнать...

– Что?

– Если мы не найдем людей на базе дальников, ты и твои люди помогут победить радикалов? Убить?

– Лучше бы нам их найти...

– А если нет?

– Ты умная девочка и должна понимать, что у нас не останется другого выбора.

– Мы древние, ваш конклав нас проклиняет.

– Конклав – это кучка выживших из ума стариков. Из уважения к былым заслугам им разрешают нести всякую чушь. Все, на что хватает их власти, это сжигать бедолаг, соорудивших что-нибудь для облегчения своего труда. Реальная власть в церкви принадлежит совсем другим людям. О некоторых из них никто даже не слышал ни разу. Я говорю о мирянах, им ни к чему знать наши расклады.

– Эти, другие, люди более лояльны к нам?

– Они прагматики, а не фанатики. Хотя, если будет надо, могут превратиться в фанатиков тех еще. Но это, разумеется, внешне. Внутри они всегда мыслят здраво.

– Как ты?

– Нет, я иногда совершаю то, о чем потом жалею. Иду на поводу у чувств. Поэтому серьезной власти у меня никогда не будет.

– Но ты можешь говорить про других? От них?

– Скажем так: нам не помешают услуги древних. Грамотных древних. Таких, как ты, например. Девчонка, которая была с Владом, ничего полезного не может рассказать. А вот вы можете, я своими глазами уже много чего видел. И еще я понял, что те, кого ты хочешь найти, знают и умеют куда больше вас. Ищи, Тейя. Ищи. Вам нужна церковь как союзник? Я помогу в этом. Но мои действия перед тем, как я нашел Влада, привели к гибели братьев по ордену. Я ошибся – это моя вина. Мне надо вернуть себя в глазах ордена. Чем больше я им принесу полезного, тем проще это будет сделать.

– Меня и Влада будет мало?

– Не знаю. Но знаю, что чем больше вас придет, тем лучше. Власти у меня нет, но если все сделать правильно, то вам ничего не будет угрожать...

Шелестящий визг скорострельного кинетического орудия прервал церковника. Влад, обернувшись, увидел, что стальные шарики выбивают искры из брони все там же висевшего Эхнатона.

– В укрытие! – заорал он людям и добавил для дронов: – Всем переместиться под металлический объект слева от вас. За мной, туда, где я стоять буду.

Электронный мозг простеньких бытовых дронов нуждался в детальном разжевывании самых простеньких приказов.

Эхнатон недолго ловил чужие снаряды. Скользнул в сторону, резко изменил курс, сбивая прицел, и под прикрытием нагромождения обломков добрался до основных сил, деловито отрапортовав:

– Оперативный доклад: Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три попал под обстрел. Получено восемь попаданий, поврежден левый манипулятор, вспомогательная визирная система нуждается в калибровке, разбито дополнительное крепление антенны дальней связи.

– Кто тебя?! Кто там?! – закричал Влад, продолжая возню с транспортными дронами.

– Противник не идентифицирован.

– Но ты его заметил, раз остановился?

– Была зафиксирована тепловая аномалия в обломках значительного сооружения. Анализ аномалии был прерван нападением.

– Напали из теплого пятна?

– Так точно, оружие располагается там.

- Это может быть машина радикалов? Вроде тебя?
- Нет данных. В случае если это так, машина располагается под обломками.
- И что все это значит?
- Не могу знать.

Сообщая все это, Эхнатон совершал хаотические перемещения, ни на секунду не оставаясь на месте. И крутился во все стороны. Навестись на него невидимому оружию будет непросто. К тому же просто выстрелить – полдела. Пробить корпус в лоб почти невозможно. Ну, по крайней мере, сравнительно маломощными пушками, которые устанавливают на подобных машинах.

Однако никто больше не пытался атаковать. Противник, выдав себя, не рискнул продолжать атаку. Уходить дальше, обойдя опасное место десятой дорогой? И при этом не выяснить, что же там такое? Глупо как-то...

- Эхнатон, ты уверен, что стреляли из-под обломков?
- Так точно.
- Сидите здесь, – приказал спутникам Влад.
- Куда ты?! – испуганно вскинулась Тейя.
- Гляну издали. Не бойтесь, лезть к ним не стану.

Пригнувшись, перебежал через открытое место, прячась за тем же валом из обломков, подобрался к подобию перекрестка среди руин, где Эхнатон поймал очередь из шариков-снарядов. Высовываться не стал: выстрел кинетического оружия ты слышишь уже после того, как снаряд пролетел мимо... или снес тебе голову.

Еще в самом начале пути, когда двигаться приходилось через места, кишасшие монстрами, Влад подобрал кусочек зеркала, почти не попорченного временем, и закрепил его в грубой проволоочной оправе с гибкой рукоятью. Сейчас он просто поднял свой «перископ» и начал рассматривать, что же за дела тут творятся.

Осмотр к успеху не привел: куда ни глянь, все те же руины и горы обломков.

А это что такое? Из кучи хлама торчат две на удивление ровные трубы, очень похожие на спаренную кинетическую пушку. Зеркальце маленькое, мутноватое, да и выщербин хватает, трудно разглядеть детали. Но если это и правда пушка, то наружу торчат лишь стволы, все остальное придавлено целой пачкой блоков сложившегося карточным домиком здания. Не похоже, что противник замаскировался. Скорее, угодил в ловушку и не может выбраться.

Влад не стал доверять первому впечатлению и ползал среди руин еще минут пятнадцать, изучая позицию противника с разных ракурсов. Тот за все это время ни разу не шелохнулся или иным образом не попытался проявить активность. Сделал пакость и затаился. Ждет, что мишень опять выберется на перекресток, напрямик под его пушки?

Пусть в другом месте поищет дураков.

* * *

– Ну что там? – дружно напустились Тейя и Либерий на вернувшегося Влада.

– Там боевой дрон, его накрыло стопкой бетонных плит, он даже пошевелиться не может. Орудия, наверное, двигаются, вот и сумел навалить Эхнатону, но если не стоять перед ним, ничего сделать не сможет.

– Откуда здесь взялась боевая машина? – удивилась Тейя. – Радикалы засаду сделать пытались?

– Не знаю. Но не очень-то похоже на засаду радикалов. Здание, обломками которого накрыло дрона, рухнуло очень давно. Может, даже тогда, когда здесь взорвали энергетическую ячейку, еще в самом начале.

– Нет, – покачала головой девушка. – С этой стороны было большое здание, ударную волну оно на себя взяло, и все, что за ним стояло, не так сильно пострадало. Я видела кадры этого.

– Ну, все равно давно. Там плиты мхом затянуло, на них кусты растут. И вы будете смеяться, но то, что я видел, похоже на переднюю часть нашего Эхнатона. Точь-в-точь.

– Может, это один из тех дронов, которых в самом начале сюда послали? – предположила Тейя.

– Ему негде брать энергию, он в капкане. Давно бы перестал работать. Эхнатон, попробуй вызвать его.

– Докладываю: корреспонденты отсутствуют на всех каналах. Запрос «свой-чужой» не принимался.

– Он, наверное, сильно потрепан, вот и ответить не может и даже понять, кто мы, – в свою очередь, предположил Влад.

И тут неожиданно Эхнатон сказал:

– Позвольте доложить?

– Ну, давай.

– У кинетического орудия имеется автономный автомат наведения. Способен сопровождать движущуюся цель даже после повреждения центрального интеллектуального блока. Если такое произошло, заряда энергоячеек могло оказаться достаточно для частичного функционирования автомата наведения до этого времени.

Влад даже удивляться не стал. «Батарейка», которая парой движений отвертки превращается в атомную бомбу, по идее, не один век могла питать все запросы боевой машины. А если их у нее две, как у Эхнатона, то и дольше.

– Обойдем сбоку и посмотрим, что же там за дрон.

* * *

Это действительно оказался Эхнатон. Ранней модификации, из тех, которые хранились в запасниках Красной Сети. Изначально их планировалось применять против боевых биомеханических машин железной саранчи – загадочной агрессивной расы, флот которой появился непонятно откуда и был уничтожен в полном составе после кровопролитной войны, сильно подкосившей человечество. По сути, на его обломках была создана принципиально новая цивилизация с единой властью над всей планетой, сложным социальным и экономическим устройством, позволявшим практически каждому реализовать себя в деле, которое по душе. Не зря ее назвали Гармония.

Увы, но и она не была лишена недостатков. Иначе бы не оставила после себя руины и забвение.

К одному из мелких недостатков Гармонии можно было отнести и конструктивные недочеты первых Эхнатонов, принятых на вооружение в спокойные мирные времена. Конструкторы не догадались оснастить их оптикой или другими системами для надежного наблюдения за небом. Из-за этого практически все они были уничтожены в первую неделю боев атмосферными штурмовиками радикалов. Те их клепали тысячами, пока Красная Сеть не уничтожила производственные мощности. Перед воздушной атакой расконсервированные «крабы» были полностью бессильны. Они ее попросту не замечали до последнего, когда увернуться уже невозможно.

Этому дрону приговор вынес не штурмовик. Эхнатон занял позицию под стеной поврежденного здания и держал ее до тех пор, пока сооружение не обрушилось на него всем весом. Вероятно, бой был жарким, и он попросту не почувал нелада на фоне многочисленных сотрясений почвы и колебаний воздуха.

Дрон уловил приближение посторонних, блок стволов повернулся, но поймать людей в прицел не получилось: угол не позволил. Тейя, присев перед выглядывающим из руин «глазом» машины, заметила:

– Оптику заклинило, грязно все очень. Как он вообще что-то видит?

Влад не ответил, его удивило другое:

– Такая тяжесть свалилась, а корпус не раздавило.

– Форма и внутренний каркас взяты с глубоководных машин, – пояснила Тейя. – Они большое давление выдерживают, вот и он выдержал.

– Думаешь, его мозгу хана?

– Не могу такое сказать точно, но, наверное, да. Носитель искина и сам искин уязвимостью обладают повышенной очень.

– Хорошо бы вытащить его.

– Зачем?

– Корпус вроде целый, а у нашего весь в заплатках. Поменять можно.

– Ты умеешь менять корпуса боевых дронов?

– Я нет. Я вообще много чего не умею. Но быстро учусь, как ты, надеюсь, заметила.

– Не знаю, где такому можно научиться. В наших базах подобной информации совершенно нет. Эхнатон, у тебя есть инструкция выполнения замены корпуса?

– Никак нет. Отсутствует. Могу предложить краткую инструкцию по замене промывочной жидкости для чистки оптических систем и порядок сборки-разборки фокусирующей силовой системы для плазменного оружия.

– Спасибо, если понадобится, я к тебе обращусь непременно.

– Буду рад вам помочь, гражданка Тейя Наррис. Обращайтесь.

– Может, завалить его до конца, чтобы не стрелял больше? – предложил Либерий.

– Тогда уж лучше в стволы камней насыпать, их тогда разорвет при выстреле, – сделал Влад встречное предположение.

– И вас вместе с ними, – хмыкнула Тейя.

– Это почему?

– Потому что стрелять он начнет, как только увидит ваши руки перед оружием. Давайте просто его объедем, время ведь теряем зачем-то, не успеем до гор добраться при свете.

– Неудобно это признавать, но женщина права, – кивнул Либерий. – Или все же рискнем?

Влад покачал головой:

– Объедем его, и правда время зря теряем.

Глава 6

В горах они опять угодили в царство грязи. Но, к великому счастью, это была не та токсичная жижа, которая доставала их в северных степях. Здешняя жижа была обычной: глина и чернозем, после сильного вечернего дождя превратившиеся в липкую кашу. Двигаться было труднее, но ненамного. Гораздо сильнее доставала смена погоды: от теплых деньков к чуть ли не стуже. По ощущениям Влада, не выше четырех-пяти градусов температура держалась, что не лучшим образом могло сказаться на здоровье измотанных путешественников.

Потому утром после короткого марша он выбрал удобное место для долгого привала. Когда-то в этом ущелье стояло какое-то сооружение, но от него осталась лишь груда камней и исковерканных металлических конструкций. Именно среди них и расположились, не обращая внимания на чуть повышенный радиоактивный фон. В сравнении с тем, через что двигались в степях, это было просто благодатное место, призванное стать строительной площадкой для санатория, где оздоравливают самых тяжелых больных.

Жгли костер, варили мясо бизона, Либерий нарвал какой-то прошлогодней травы и приготовил что-то вроде чая, только гораздо отвратительнее самых гадких его сортов.

Болтали обо всем подряд. Влад вспомнил, что в его времена это место, если он не запутался в географии, называлось Ангарским перевалом. По нему в курортный сезон сплошным потоком тянулись машины отдыхающих, стремившихся к Черному морю или уже возвращавшихся.

Тейя возразила, что сам перевал находится гораздо выше, они до него еще не добрались, но насчет дороги соглашалась: в ее времена здесь тоже проходил оживленный путь для наземного транспорта.

В остальном ни он, ни она не вспомнили ничего схожего: разные названия населенных пунктов, располагавшихся примерно на одном месте; горы вряд ли поменяли расположение, но названия их звучали для Влада незнакомо. Грязь ни она, ни он никогда здесь не встречали, тем более в таких количествах. Или что-то изменилось, или им повезло нарваться на нечастое явление.

Либерий помалкивал: его соплеменники о Крыме знали не более, чем о других землях, располагавшихся южнее человеческого анклава.

В общем, время провели, может, и не очень весело, но зато познавательно. Да и отдых не помешал.

Путь продолжили на следующее утро.

Раньше, во времена Влада, а затем Тейи, за дорогой тщательно следили. Подсыпали где надо, строили стены от обвалов, укладывали в траншеи дренажные трубы, отводили подземные и поверхностные воды. Этим давно уже никто не занимался, как и расчистками. Все завалило осыпями и оползнями, между ними густо рос ломкий тростник, под ногами чавкала болотная жижа, там и сям выскакивали крошечные ручейки, чтобы нырнуть под землю через несколько метров.

Скорость каравана была смехотворной, но никто не жаловался – после степной трясины это болото казалось почти курортом.

Лишь миновав перевал, вздохнули с облегчением. Здесь тоже хватало трудностей, из-за чего потратили не один час, вызволяя неудачно завалившегося дрона, а затем меняя ему гусеницу, но воды почти не было. Царство камня и горных лесов, зеленых по-настоящему, а не как те, что остались за спиной. Севернее хребта только-только почки распустились, а здесь уже и листва молоденькая, и цветочки какие-то.

Влад первый же сорвал и преподнес Тейе, как и грозился. Она засмеялась, а Либерий ничего не понял, заявив, что цветы у них носят лишь на похороны покойников, которые при жизни занимались пчеловодством.

Всю романтику убил... инквизитор.

* * *

К морю спускаться не стали, Тейя заявила, что двигаться вдоль него даже без техники будет непросто, лучше воспользоваться горными тропами. Во времена Влада где-то здесь тянулась более-менее приличная дорога, и он не возражал.

Ни дороги, ни троп они не нашли. Эхнатона пришлось переквалифицировать в транспортную авиацию: он то и дело вытаскивал дронов на трудных участках, переносил тонны груза несколькими рейсами, что облегчало жизнь машинам. После очередного ливня угодили чуть ли не под сель, при этом Либерий упал и подвернул ногу, после чего ходил, отчаянно хромя.

Было трудно, но люди терпели.

Влад даже ушам своим не поверил, когда после долгого карабка на очередную кручу Тейя, смахнув ладонью грязный пот со лба, уставилась вниз и неуверенно произнесла:

– Мы пришли.

– Что? – не понял отупевший от усталости и монотонной тягости пути Влад.

– База Дальфлота. Она там. – Девушка указала на открывшуюся внизу долину. – Возле моря раньше был городок, где жили курсанты и разные люди. Дальше сама база, отсюда нельзя разглядеть. Надо спускаться, там легче будет, местность ровная почти.

Влад с унынием оценил перспективы очередного непростого спуска и в очередной раз устало удивился:

– Здесь же вроде дорога раньше была.

– Да, так. Была. Но война потом. Оползни, обвалы, землетрясения. Нет дороги теперь.

– Спустимся и отдохнем хорошенько. На Либерия уже смотреть страшно. Да и пара дронов вот-вот рассыплется.

– Да, Влад, как скажешь. Я не дрон, но тоже вот-вот рассыплюсь.

– Ну, надо же. С виду по тебе не скажешь. Молодец.

– Спасибо, я стараюсь держаться, – без улыбки произнесла девушка и развернулась назад, к каравану потрепанных дронов.

* * *

Один дрон все же остался на середине спуска. Но этому даже не особо огорчились: ведь цель была близка. Внизу, среди жалких намеков на то, что здесь когда-то стояло нечто, построенное руками человека, разбили лагерь. До утра отсыпались, по очереди сражаясь со сном во время коротких дежурств, затем устроили банно-прачечный день.

О базе ни слова не произносили все это время, будто сговорившись. А ведь не заметить, что стало с городком, было невозможно: он практически полностью исчез. Вряд ли стратегический объект Дальфлота, располагавшийся в паре километров, при этом пощадили.

Неужели все было зря?

Утро для Влада началось с немого вопроса в глазах Тейи. Выдержав ее взгляд, он медленно кивнул:

– Поедем туда.

– Вы о базе? – уточнил возвращавшийся от ручья Либерий.

– Да. Пора на нее взглянуть.

– А дрон, который на горе остался? Его ведь разгрузить надо.

- Думаешь, кто-то украдет его груз?
- Да откуда здесь воры возьмутся?
- Значит, груз немного полежит там. Позавтракаем, и вперед. Дронов оставляем, с собой берем только Эхнатона.

Глава 7

Путь к базе лежал через заросли кустов, большую часть которых Влад, как ему казалось, видел впервые. Наверное, летом они выглядят совершенно иначе, но сейчас весна, а в эту пору года он никогда в Крыму не бывал. Все цвело всеми цветами, и даже пчелы уже летали, чего на севере ни разу не видели: там и мухи еще не проснулись как следует. То и дело Эхнатон пугал фазанов, которые даже не утруждались пользоваться крыльями – драпали от него по земле, норовя забиться в самую чащу.

– Либерий, ты когда-нибудь персики ел?

– Ел.

– Не знал, что они у вас растут.

– Растут на юге, возле Новограда.

– А инжир?

– Это что еще такое?

– Ну, вроде головки чеснока на вид, но сладкий и мягкий. На деревьях невысоких растет.

– Я такое не видел даже.

– А здесь, в Крыму, его раньше хватало.

– Я сладкое не очень. Яблоки люблю, с кислинкой если. Слушай, фазанов здесь просто немерено. Надо бы поохотиться.

– Поохотишься, не сомневайся.

– Вы хотите убить этих красивых птиц? – чуть не плача, спросила Тейя.

– Не переживай, мы будем выбирать самых уродливых, – осклабился Либерий.

– Стойте.

– Стоим, – произнес Влад, на всякий случай стаскивая с плеча ружье.

Впереди, в просветах расступающегося кустарника виднелась каменистая пустошь, взрытая россыпью воронок. Диаметр самой мелкой из них был не меньше полутора десятков метров.

– Лунный ландшафт... – сказал Влад.

Либерий кивнул:

– Я смотрел на Луну в трубы подзорные, там все точно так же.

Тейя поглядела налево, затем направо, потом опять уставилась на следы бомбежки и задумчиво произнесла:

– Плохо узнаю местность, но, очень похоже, база здесь была.

– Прямо здесь? – спросил Влад. – Каких размеров?

– Вон, где ложбина та, дотуда база тянулась.

– Километра полтора и на всю ширину долины?

– Не на всю ширину. До ручья была база, а за ним рос виноград.

– Вы его разве не под землей выращивали?

– Нет. Винограду не нравится под землей. Он там плохой становится.

– Ну, надо же, хоть что-то у вас по-человечески росло, – пробурчал Либерий.

– От базы ничего не осталось, мы зря пришли, извините. – Тейя опустила голову.

Кос настойчиво стучался в голову, добивался ответа на вопрос, что они там нашли, но Влад пока отмалчивался – надо для начала моральный дух в коллективе поднять:

– Ну что ты как маленькая? Мы и так с самого начала знали, что база разрушена, и скорее всего очень сильно. Так что ты ждала увидеть?

– Не знаю. Хоть что-то. Но нет совсем ничего. Только камни.

– Там, в кустах, что-то есть. – Церковник указал вперед.

Подожли, рассмотрели, но даже Тейя не смогла определить, что это было раньше. Просто бесформенная груда исковерканного металла. Чуть дальше наткнулись на россыпь обломков материала, похожего на темно-зеленое стекло, мутное от обилия пузырьков. Девушку эта находка обрадовала:

– Это от башни управления. У нее стены были из такого сделаны. Не помню, как называться материал такой.

– А вход под землю возле башни был или в ней? – уточнил Влад.

– Я не могу знать такое. База большая, везде ходить нельзя, да и не очень хотелось. Под землей было почти все, входов всяких много очень. Наверное, были.

Влад присел на плоский обломок, некогда являвшийся частью башни, и пригласил остальных, похлопав рядом с собой:

– Присаживаемся.

– Мы разве сидеть пришли? – нехорошо прищурилась девушка.

– Нет. Но и бродить по этим кустам можно долго и без толку. У нас гораздо лучше способ есть. Эй! Эхнатон!

– Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три слушает!

– Видишь вот ту ложбину?

– В указанном направлении я наблюдаю три ложбины.

– Самую большую из них видишь?

– Так точно!

– Надо прочесать всю местность от нас до нее. Все, что между склонами гор и ручьем.

– Предмет поисков?

– Враги, ловушки, зараженная местность. И, самое главное: входы в подземные сооружения. Или пустоты вблизи поверхности. Сможешь?

– Поиск подземных пустот займет большое количество времени, так как потребуются частый контакт с поверхностью.

– Мы не торопимся, так что приступай.

Глядя, как дрон старательно обыскивает бывшую территорию базы, Тейя покачала головой:

– Я делаюсь глупой почему-то. Не смогла додуматься, что он сможет сделать это лучше нас.

– Все мы ошибаемся. Ты садись, не стой.

– Камни холодные.

– Но не эти, они нагрелись на солнце.

– Камни такие не нагреть, – заявил Либерий и, потрогав поверхность обломка ладонью, хмыкнул: – Ну, надо же, и правда теплый.

– Тоже забыла, – вздохнула Тейя. – Материал такой. Особый.

* * *

То, что Эхнатон назвал «большим количеством времени», растянулось до вечера. Так и не успел закончить, пришлось возвращаться уже в сумерках.

На следующий день они продолжили.

И с куда большим успехом.

Глава 8

– Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три готов доложить о результатах.
– Ну докладывай.
– В ходе прочесывания обозначенной территории было обнаружено: входов в подземные сооружения – три; расположенных близко к поверхности пустот – четырнадцать. Доклад окончен.

Все трое изумленно переглянулись, а Тейя уточнила:

– Ты ведь не сегодня все это нашел?

– Никак нет. Большая часть объектов была обнаружена вчера. Сожалею, что поиск затянулся: сенсорная система нуждается в ремонте.

– А почему вчера не сказал ничего! Мы думали, что ничего здесь нет!

– Приказа докладывать по мере нахождения объектов не поступало.

– Эх ты, железяка! Сам бы мог догадаться!

– Строить догадки о невысказанных пожеланиях отдающих приказы не является моей обязанностью, – с чем-то, подозрительно похожим на ехидство, сказал на это дрон.

Влад погрозил ему кулаком:

– На переплавку пойдешь, шутник. Давай подробно: что за входы, как выглядят, реально ли через них куда-то попасть.

– Вход номер один: вертикальная шахта с металлическими стенками. Сечение круглое, диаметр полтора метра, прослежена на глубину четырнадцать метров, далее завалена обломками, перспективы расчистки неясны. Вход номер два: вертикальная шахта с металлическими стенками. Сечение круглое, диаметр менее полуметра, прослежена на глубину восемнадцать метров, до пересечения с полостью неизвестного объема. Вход номер три: горизонтальная шахта со стенками из армированного стеклобетонита. Обнаружена на склоне воронки, оставленной после разрыва неизвестного боеприпаса. Сечение прямоугольное, ширина около двух метров, предполагаемая высота более двух метров. Сильно завалена обломками, перспективы расчистки неясны.

– Шахта, которая маленькая, – это для вентиляции, наверное, – предположила Тейя. – Я внизу видела выводы, там будто трубы наверх шли. А наверху их прикрывали такие, будто зонтики, штучки. Или грибки.

– Я туда вряд ли пролезу, а Влад тем более, – заметил Либерий.

– А я легко пролезу, я совсем незначительных размеров, ни за что не застряну.

– Опускать тебя на восемнадцать метров неизвестно к чему мы не станем, – категорично заявил Влад, и церковник поддержал его кивком.

– Тогда что мы будем делать? – огорчилась девушка.

– Для начала выслушаем от Эхнатона остальную информацию, а потом, наверное, начнем копать.

* * *

За кирки и лопаты браться не пришлось: некогда доблестный боевой дрон из поисковика переквалифицировался в чернорабочего. Ну да ему было не впервой: уже имел опыт. Тот еще фортификатор: за века существования столько нарыл, что из его баррикад, которыми он оградил свою базу, можно немалых размеров гору насыпать.

Влад не стал мелочиться, выбрав для места проникновения под землю точку, где, по данным сканирования, пересекались два широких коридора. Может, они и пострадали от бомбе-

жек, но выбрать там более-менее уцелевший ход было, наверное, реальнее: их ведь, по сути, четыре, есть из чего выбирать. Да и воронок поблизости нет.

На то, чтобы вырыть шестиметровой глубины котлован с устойчивыми стенками, ушли почти сутки. Внизу обнажился свод подземного хода. Армированную плиту Влад предложил взорвать, но товарищи отговорили его от столь радикального способа, опасаясь, что это спровоцирует обрушение древнего сооружения. Стучать по ней «клешнями» Эхнатона – тоже не выход. И без того один его манипулятор поврежден после стычки с «собратом», подобная работа на пользу механическим конечностям не пойдет.

В итоге разработали компромиссный способ. Эхнатон, взлетая на несколько десятков метров, сбрасывал каменные глыбы в одну и ту же точку. Плита содрогалась, будто туго натянутая кожа исполинского барабана, от нее отлетали осколки. По мнению Влада, такой способ был ничем не лучше взрыва: там одно краткосрочное воздействие, а здесь придется делать сотни маленьких, что может расшатать свод.

Лишь вечером творение древних строителей смирилось перед грубой силой: очередная глыба разнесла растрескавшиеся остатки преграды, порвав каркас из арматурной сетки, будто паутину.

Острые прутья арматуры загнули в разные стороны, потом по очереди заглядывали, освещая фонариками открывшуюся галерею. Как и предполагалось, рядом виднелось пересечение с таким же по виду коридором. Обломков на полу немного, завалов в поле зрения не видно. Тейя заявила, что это место не узнает, но добавила, что под землей бывала всего два раза и мало что видела.

Забираться внутрь на ночь глядя не рискнули, вернувшись в базовый лагерь, так и оставшийся на месте прибрежного городка.

* * *

Влад спустился по лестнице, связанной из вырубленных жердей, посветил в одну сторону, в другую. Вдали вроде бы что-то виднелось, но не разглядеть, что именно. Тейя, застыв рядом, уставилась в ту же сторону, и неуверенно предположила:

– Там что-то перегораживает коридор. Наверное...

– Не вспомнила это место?

– Нет. Очень похоже на технические галереи. В таких местах люди нечасто бывали. Для дронов они. Куда пойдем?

– Сперва глянем, что там. Если тупик, будет понятно, что та сторона бесперспективна.

– Зачем в коридоре тупик делать?

– Дверь лифта теперь, скорее всего, тупик. Завал – это тоже тупик. Привыкай к таким изменениям.

– Извини, не подумала.

– Либерий, мы пойдем направо, глянем, что там.

– Понял, – сказал сверху церковник.

Его оставили сторожить выход. Эхнатону, конечно, доверие полное, но он все же не может заменить человека.

В конце коридора и правда оказался завал. Влад что-то подобное предполагал, ведь как раз в этой стороне зияла одна из воронок. Потрогал осыпавшийся грунт:

– Сухой. Странно, что вообще признаков сырости нет. И в воронках воды не видно.

– Наверное, почва такая, все пропускает вниз. А там дренаж должен быть.

– Думаешь, до сих пор работает?

– Может, не так, как раньше, но да, наверное.

После получасовых поисков обнаружили лифтовую шахту. Металлические двери были изуродованы прокатившейся по туннелю ударной волной и держались на честном слове. Внизу в свете фонаря виднелся завал, а чуть выше него заметили выход на другой ярус.

Веревки не было, пришлось возвращаться и сооружать лестницу из все тех же жердей и проволоки. Хоть за красотой не гнались, но потеряли не меньше часа, а потом она еще застряла на пересечении коридоров, где и без груза было трудно пробраться из-за груды свалившихся со свода обломков. Пришлось немного позаниматься расчисткой.

Лестница угрожающе прогибалась под весом Влада, но спуск прошел без приключений. Тейя вообще без проблем проскочила: все же есть плюсы в худощавом телосложении.

Деформированную дверь лифта Влад домучил стальным прутом, и они оказались в другом коридоре, ничем не отличавшемся от того, который тянулся выше.

Еще один лифт. Здесь двери стояли будто новенькие, и Владу пришлось попотеть. Шахта оказалась незаваленной, до дна было недалеко – метров шесть. Опять пришлось возвращаться к Либерии.

На этот раз они были умнее: не стали делать лестницу на поверхности, а прихватили жерди и проволоку с собой. В итоге через час попали на третий ярус технических коридоров и уже там нашли дверь, увидев которую Тейя обрадовалась:

– Знаю такие! Они двигаются вот так, в сторону. Из них появляются дроны.

– То есть за ней помещения для людей?

– Да, так. Там люди работали или передвигались. Оттуда где хочешь попасть можно. Если нет завалов, найдем хранилища, я помню немного, где они.

– Дверь крепкая очень, я ее этим прутом не сломаю. И не пойму, как она в сторону отъезжала.

Тейя посветила на стену, открыла вмурованный ящик, указала на металлический штурвал, скрывавшийся в нем:

– Аварийный механизм. Можно открывать, если нет энергии.

Влад к слабакам не относился, но колесо даже не дрогнуло под его усилиями. Пришлось исхитриться с толстым ржавым прутом, подкладывая камни для упора. Рычаг помог: штурвал поддался, начал вращаться дальше, хоть и с превеликим трудом.

Дверь дрогнула, с душераздирающим скрипом поползла в сторону. Она забралась в стену приблизительно на полметра, и ее заклинило намертво, а все усилия Влада стронуть ее с места привели лишь к тому, что прут чуть согнулся.

Зря надрывался, ведь и так пройти можно. Но хотелось большего.

В коридоре, где они оказались, Тейя рванула было в одну сторону, затем остановилась, задумчиво глядя на россыпь каких-то непонятных символов, тянувшихся по стене горизонтальной строкой. Развернувшись, уверенно пошла дальше, на ходу пояснив, что поняла, где они оказались.

Дверь в конце коридора была незакрытой – створка прижала корпус мелкого дрона, частично его раздавила и застыла в этом положении на долгие века. Влад, оценив толщину и вес, облегченно вздохнул: такую махину если и пробивать, то только противотанковым снарядом. Тейя прошла свободно, а ему пришлось протискиваться боком.

* * *

Девушка чуть не плакала, стоя на пороге большого помещения, заставленного рядами высоких металлических шкафов. Влад, дыша, как загнанная лошадь (битва с очередной дверью выдалась нелегкой), спросил:

– Ты думала здесь кого-то найти? Это место не похоже на то, где люди обитают. Тут даже стульев нет.

– Резервный зал технического контроля. Он оборудован системой хроноизоляции. Она всегда включена для сохранности оборудования. Но посмотри на аппаратные шкафы: коррозия, пыль, на полу камней крошево и еще больше пыли. Здесь не было хроноизоляции вообще.

– Может, со временем она нарушилась?

– Я не вижу обвалов.

– Землетрясение могло повредить сетку, мы же этого знать не можем.

– Вряд ли. Может, тест проводили, при этом хроноконтур обесточивают. Но я не могу верить в такое совпадение.

– Больше на базе не было хроноизолированных помещений?

– Были. Мы прошли уже два, но там даже двери не заперты. Извини, Влад, наверное, я значительно ошиблась. Люди не успели укрыться на нижнем ярусе. Что-то им помешало. Мы зря сюда пришли.

– погоди слезы лить, мы ведь еще не все обыскали. Где склады, о которых ты говорила?

– В другой стороне, там через завал не получится пройти.

– Есть сеть технических туннелей, попробуем по ней пробраться.

– Время много уйдет, и не знаю, будет ли успех.

– Уходим наверх, завтра попробуем. Вечереет уже.

* * *

Идея Влада с техническими туннелями сработала, но какой ценой! Ведро пота пролил, не меньше. Он согнул несколько стальных прутьев и труб, сломал рукоять единственной кувалды, два раза пришлось возвращаться за жердями для новых лестниц. Но усилия окупились: крыло яруса, где располагались склады, не сильно пострадало. Кое-где, конечно, плиты деформировало, стыки разошлись; несмотря на дренаж, сюда попадала вода, хоть и не в угрожающих количествах. Но стены держались, серьезные завалы преграждали путь только к центру базы, куда, очевидно, был нанесен основной удар чем-то очень серьезным.

В первом складе Тейя чуть не разрыдалась: ржавчина, пыль и трещины на своде. Во втором взвизгнула от радости: открывшееся помещение было заполнено стеллажами с контейнерами разных размеров.

– Влад! Тут была изоляция, пока ты не вскрыл дверь! Смотри: все совсем как только что новенькое!

– Не надо так бурно реагировать, людей здесь нет.

– Все равно хорошо. Ну, хороший признак. Да? Так?

– Согласен.

Влад развернулся, отправился к следующей двери. Аварийный штурвал здесь удалось заставить вращаться минимальными усилиями. Дверь со стандартным душераздирающим скрипом поползла в сторону, при этом Владу показалось, что в проеме что-то сверкнуло, как и при вскрытии предыдущего склада.

Тейя, не дожидаясь полного открытия, посветила внутрь фонарем и оцепенела от неожиданности: незнакомый мужской голос резко произнес:

– Льюз! Тюрне льюз!

«Свет! Включите свет!» – автоматически перевел пораженный Влад. Нет, он поразился не знанию языка древних: не зря столько времени общался с Нью. Да и на базе успел пользоваться аппаратурой, помогающей любому, кто сильно желает стать полиглотом.

Но когда вот так, в темном коридоре мертвой базы, где ты провел уже не один день в бесплодных поисках, вдруг обнаруживается кто-то живой – это нечто. Эффект лишь немного уступал тому, который возникает, если в процессе ночной прогулки по старинному кладбищу

тебе внезапно сзади опускается на плечо костяная пятерня и над ухом раздается сатанинский хохот.

Девушка пришла в себя первой. Повернула фонарик в сторону, чтобы не ослепить незнакомца, торопливо протараторила на древнем щебечущем языке:

– Света нет, база сильно повреждена. Но ничего не бойтесь. Сколько вас?

– Вы кто?!

– Гражданка Тейя Наррис, вы могли меня знать, я слушательница ваших курсов. Вы ведь Адинри Кайрет?

– Да – это я. И я помню вас. А что здесь случилось? – произнес мужчина уже почти спокойным голосом.

Ответить Тейя не успела. Из открытого помещения вынеслась высокая фигура, девушку схватили за руку. Влад, отскакивая, выхватил пистолет, но до стрельбы не дошло. Фонарь высветил молодого мужчину, именно он с взволнованным видом держал Тейю и лопотал:

– Ты?! Ты как здесь оказалась?! Ты же была на космобазе! Что случилось?!

Опешившая девушка с легкой неуверенностью произнесла:

– Тад? Тадий Тюс?

– Ну а кто же еще! Что с тобой?! Что это за неопрятная одежда на тебе?! Просто верх безвкусыя!

Тейя осторожно освободила руку и по-русски, специально для Влада, сообщила:

– Адинри Кайрет – преподаватель космократики на курсах Дальфлота. А Тад учился со мной, только на два потока старше.

Влад спросил на древнем:

– Адинри, еще кто-то есть с вами?

Обращаться к Таду, хватавшему Тейю за руку, будто свою собственность, он не желал.

– Здесь я, Тад, еще один мальчик с курсов, Мерик Кави, и девочка оттуда же, Рения Бактоль.

– Четверо? – еще раз уточнил Влад.

– Да. А что, собственно, происходит? Вы сотрудник базы? Я вас не помню. Почему вы странно говорите? Я никогда не слышал, чтобы так коверкали слова.

– Все гораздо хуже. Ти, ты объяснишь или я?

– Давай я. Им психологически комфортнее будет это услышать от знакомого человека.

– Да о чем вы?! – опять повысил голос преподаватель.

– Господин Адинри, не нервничайте, – попросила Ти. – Скажите, пожалуйста: как вы оказались в этом складе?

– Вел занятия с курсантами в зале симуляции. Имитировался полет на ускорении через пояса с высокой концентрацией протокометных тел. За несколько часов до окончания симулятор был отключен, офицер сообщил, что начались беспорядки и базе угрожает опасность. Всех, кто не служит, приказано отвести на нижний ярус, в убежище. Таких оказалось четверо.

– И все? Он ничего больше не сказал?

– Нет. Почему коридор так выглядит? И двери? И нет света? Война? Что это было? На базу напали? Но мы ничего не слышали.

– Сожалею, но офицер вам не все сообщил. Склад оборудован контурами хроноконсервации. И, закрыв дверь, он его активировал. Затем был бой, база очень сильно пострадала. И не только база, а вся Земля. Сожалею, что приходится это говорить, но нашей цивилизации больше нет. Много лет назад она была уничтожена из-за мятежа радикалов. Вы, должно быть, помните об этом общественном движении. Я тоже находилась в хроноизоляции, но не на Земле, а на орбите. Это Влад – мой друг. Он помог мне, спас. Его история еще более удивительна, чем моя и ваша, потом когда-нибудь узнаете. Вместе мы ищем других выживших. Вот, нашли вас. Еще раз извините за такие новости. Базы нет, городов нет, ничего нет. Только мы и

община людей на севере, забывших почти все. Таких, как мы, они считают врагами. Господин Адинри, с вами все в порядке?

Неуверенно подняв руку, профессор дрогнувшим голосом произнес:

– Спокойными будьте! Не забывайте, что вы курсанты! Тейя, у меня к тебе множество вопросов, но, боюсь, обстановка неуместна. Скажите, как выйти, я выведу курсантов, им необходима психологическая помощь.

– Боюсь, психологов у нас нет.

– Я сам попробую справиться с этим. Девочка, что там за звуки?! Никаких слез, сейчас как никогда надо быть сильными!

– Мы выведем вас. Там, наверху, наш друг, останетесь с ним.

– А вы?

– Нам надо обыскать коридор до конца, здесь еще несколько складов. Вдруг там тоже есть выжившие.

– В таком случае идите сейчас же. Важно как можно быстрее их всех найти. А мы вас подождем здесь. Курсанты придут в себя за это время. Обстановка менее комфортная, чем на открытом воздухе, но ничего не поделаешь.

– Я оставляю вам фонарик.

Влад покачал головой. Эти древние сильно отличались от Тейи. Она ведь ни на секунду не озадачивалась психологическими проблемами, несмотря на то что оказалась в куда худшей ситуации.

Этим-то что? Зашли в склад, дверь закрылась, а потом вдруг погас свет и она начала медленно с скрежетом открываться, после чего им сообщили интересные новости. А на шлюпке Тейи через равные промежутки времени на несколько секунд отключалась хроноизоляция, она при этом могла видеть изменения на Земле и размышлять о том, долго ли ей осталось летать по кругу или еще чуть-чуть, и жизнь перечеркнет метеороид или обломок одного из многих погибших кораблей.

В такой ситуации свихнуться – это незазорно.

Взламывая дверь следующего склада, Влад осторожно спросил:

– Ты хорошо знаешь этих людей?

– Ну, так. Знаю. Адинри у меня преподавал, а этих видела на совместных занятиях. Вместе с Тадом была в походе.

– В походе, значит... Он твой друг?

– Почему так решил?

– За руку тебя взял... Интересно так взял...

– У тебя что, проявление ревности?!

– Ага, я тот еще ревнивец.

– Ну, руку жать у нас этикет такой.

– Он не жал, а хватал.

– Ну да. Может, так. Влад, тебе, может, это неприятно слышать, но я, как бы это тебе сказать... Ну, спрос пользовалась, да? Мужчины многие пытались... Ну, вот как ты растения дарил. Цветки. Ухаживание с целью углубления знакомства.

– Если этот Тад попытается углубить, я с ним нехорошо поступлю.

– Влад?! Ты чего?!

– Ничего. Не понравился он мне.

– И мне тоже, поэтому ты не должен испытывать к нему соперничающие чувства. Это глупо, и нет на такое времени. Я правильно сказала?

– Ну, так себе, но я тебя понял. Приятно, что и тебе он не нравится. Ти, здесь нет никого, и потолок обвален.

Девушка посветила под ноги, вскрикнула. Влад глянул на пол, и в ворохе ошметков тряпья, некогда бывшего чьей-то одеждой, увидел оскал трухлявого черепа.

– Кто это?!

– Ти, я не знаю, кто это. Да и ты вряд ли теперь узнаешь. Очень давно умер, биометка не определяется.

– А ты можешь ее определять?

– Я нет. Но система моя может. Был похожий случай.

Сзади раздались быстрые шаги, Влад обернулся, опять хватаясь за пистолет, зажмурился: приближавшийся человек ослепил фонарем.

– Кто идет?! Свет вниз убери, а то убую!

– Извините, – произнес подошедший Тад. – Кто кричал? Ти? Ты кричала?

– Иди назад, не оставляй своих без фонаря, – угрюмо приказал Влад.

Тад увидел останки на полу, отшатнулся, опять ослепив фонарем.

– Кто это был?! – дрожащим голосом спросил «соперник».

– Сказано, иди назад! Не мешай нам!

Тад неуверенно попятился, замахал руками:

– Ладно, ладно! Не кричи так! Уже иду!

Подождав, когда тот прилично удалится, Тейя с укоризной произнесла:

– Не надо быть таким грубым. Он просто услышал крик и начал волноваться.

– Он своих без света оставил. Представляешь, каково им сейчас?

– Но он хотел как лучше. Пойдем дальше.

– Много здесь еще таких складов?

– Я не знаю. Никогда не ходила в это крыло до конца. Не было необходимости.

* * *

Еще четыре склада были вскрыты с применением импровизированного лома. В двух из них сохранилась хроноизоляция. Один оказался пуст, во втором нашли мужчину без сознания в очень плохом состоянии. Сильно обожженные лицо и руки были залиты толстым слоем медицинской пены, рана на левом бедре туго перебинтована прямо поверх окровавленной штанины. Одежда в ужасном состоянии, но Тейя ее опознала: точно такую носил технический персонал базы.

Вернувшись к первому складу, рассказали выжившим о возникшей проблеме. Раненого надо было как-то доставить на поверхность по запутанному пути, через несколько шатких лестниц, с которых и здоровый может запросто свалиться. Преподаватель и курсанты не придумали ничего, что могло бы в этом помочь, и Влад, махнув на них рукой, начал обыскивать склады. К нему присоединилась Тейя, и вскоре они нашли бухту прочной веревки. Вот с ее помощью и поднимали пострадавшего, стараясь делать это как можно аккуратнее. А из оставшихся жердей соорудили уродливые носилки.

Только наверху Влад, наконец, сумел рассмотреть своих новых знакомых. Адинри Кайрету на вид было лет сорок – сорок пять: невысокий, чуть полноватый, с нелепой прической – приличной длины волосы торчали вверх, будто макароны из открытой пачки, причем следов лака или других средств для их удержания в таком положении было незаметно.

Рения Бактоль, похоже, очень серьезно поработала над своей внешностью, невзирая на репутационные потери, ожидающие граждан, обожающих внешние изменения. Ну не могут волосы быть платиновыми и одновременно, если взглянуть под другим углом, отдавать нежным розовым оттенком. И глаза синевы высококачественных сапфиров. Ноги до ушей, грудь от почетной колхозной коровы и прочее прилагалось.

Курсант Мерик Кави выглядел непритязательно: маленький, черные курчавые волосы, приплюснутый нос, мускулатура не наблюдается. Влад предположил, что у него африканские корни, уж очень характерная внешность, хотя кожа светлая.

Второй курсант, тот самый Тадий Тюс, или просто Тад, походил на актера, играющего положительных героев в фильмах с умопомрачительно высоким бюджетом. Работал он над своей внешностью или нет – трудно сказать, но Влад рядом с ним казался провонявшей потом ломовой лошадей на фоне чистокровного арабского скакуна, что серьезно ухудшило настроение.

А еще его ухудшила истерика Рении. Если под землей она держалась тихо, не выкидывая номеров, то наверху, убедившись, что база не просто разрушена, а давно исчезла с лица планеты, отыгралась на всю катушку. Да и Тад сильно спал с лица, ошалело разглядывая горы, поросшие деревьями и кустарниками, никогда не видавшими топора. Мелкий Мерик воспринял это куда спокойнее, держался с отрешенным видом, а вот преподаватель суетился вокруг курсантки, будто насадка вокруг цыпленка.

Но даже Мерика проняло, когда из зарослей вышел Либерий. В переделанной по своему разумению одежде (стальные пластины на груди и спине обклеены кусочками шкур тварей, неказистый шлем с проволочным забралом украшен клыками тех же существ), с самодельным патронташем через плечо, огромным тесаком на поясе, ружьем за спиной. В одной руке он держал то, что Влад называл алебардой: оружие вроде короткого копья с массивным наконечником, которым можно было не только колоть, но и рубить или резать. В другой церковник сжимал лапы парочки окровавленных фазанов.

Завидев, что народу прибавилось, он буркнул:

– На всех не хватит, надо бы еще поохотиться, но тут дичи мало, ее Эхнатон распугал, а далеко отойти от дыры нельзя.

К счастью, древние не поняли ни слова, и их предубежденность к естественному мясу не проявилась.

Глава 9

«Новички» сидели перед стационарным коммуникатором и, наверно, в пятнадцатый раз выслушивали историю миновавших веков, которую терпеливо рассказывал Космос. Влад узнал ее зимой, в заснеженной степи, когда валялся после приступа, последовавшего после схватки с группой запов. Сейчас он сидел неподалеку, но не слушал.

Зачем? И так все прекрасно помнил. Люди жили относительно счастливо, осваивали Солнечную систему, потихоньку тянулись к ближайшим звездам, и внезапно оказалось, что их общество очень уязвимо перед пришельцами из прошлого. Неожиданная массивованная вспышка терроризма, всеобщая растерянность, война, где нападавшие на всю катушку реализовали выгоду внезапного первого удара. Далее переход войны в непонятно что, где одна из сторон своей целью поставила полное уничтожение человечества.

Как оказалось позже – этих дурачков, похоже, использовали втемную те же ребятки, которые все заварили. Пока они увлеченно зачищали планету и космическое пространство, те устранились от конфликта, закрывшись в заранее подготовленном укрытии, где отключили себя от времени на срок, показавшийся им достаточным. Считали, что при пробуждении получат в свое распоряжение планету, очищенную от конкурентов, где без помех построят устраивающее их общество.

Влад очень плохо представлял, какое общество их устроит и возможно ли его создание хотя бы теоретически, но и намеков хватило, чтобы осознать: жить в этом обществе ему не хочется. Очевидно, время, откуда родом эти «хронопутешественники», было несколько странным. Или нормальным, а странными являлись как раз они, если покинули его. Деталей никто не знал: Гармония приняла их в свои ряды, не догадываясь, какую змеюку пригрела на груди.

Мир погубила доверчивость.

Радикалы просчитались в двух вещах. Мир пострадал так, что хотелось его пристрелить: нельзя так мучиться. До сих пор большая часть поверхности планеты непригодна для нормальной жизни: самые разные виды загрязнения; все еще функционирующее древнее оружие, не нуждающееся в человеке; модифицированные создания, агрессивные и очень опасные. Территорий вроде этой, где природа восстановилась, немного. А самый вкусный кусок удерживают люди – чудом сохранившийся обломок человечества. Пусть с другой культурой, пусть растерявшие знания, но конкуренты радикалов не уничтожены.

С самого пробуждения радикалы потихоньку наращивают мощь, ведя вялые боевые действия против человеческого анклава. Те защищаются, используя древнее оружие, при этом проклиная и ненавидя все древнее. Попасть к ним в лапы – это приговор для людей из далеких эпох.

Глядя на лица слушателей, Влад все больше и больше понимал: помощи в войне от них не будет. Да они до сих пор не поняли, куда попали. И как одного взяли учить курсантов-дальников, а других приняли в их ряды? Это же явные слабаки. Все как один отвернули носы от похлебки из фазанов, пришлось их кормить пайками, запас которых не бесконечен, а копир в его пополнении бессилён.

Даже подключить регенератор никто не помог. Не умели возиться с техникой. От Влада, который не знаком с аппаратурой будущего, в этом вопросе было куда больше пользы.

А что там трудного? Энергоячейка – та же батарейка. Главное, плюс с минусом не перепутать, разъем для прямого питания у регенератора был.

Пострадавшего так и не смогли опознать: на лице только рот из-под пены виднелся, да и то частично. Так и положили, не став счищать эту массу.

Вчера сидели, слушали Коса, сегодня слушают...

Подошла Тейя, покосилась на соплеменников и тихонько предложила:

- Может, еще по базе походим? Вдруг что-то пропустили.
- Там еще были изолированные хранилища?
- Не знаю. Вряд ли. Зачем? Господин Адинри сказал точно такое же: нет других складов таких.
- У него высокий ри?
- Почему так думаешь?
- Ты его господином называешь, подчеркнуто так, уважительно.
- Не очень у него ри высокий. Но он достоин уважения большого, хорошую жизнь прожил честно, долгу.
- Долгу? Да ему до старости далеко еще.
- Ну да, он крепкий еще, конечно. Но девяносто лет – это достаточно много.
- Девяносто лет?!
- Ну да. Чего так удивился?
- Он едва на половину такого возраста выглядит!
- Да? Странно. Люди стали быстрее стареть?
- В моем времени так же было.
- Видимо, медицина плохая. Клеточную терапию делали?
- Впервые слышу.
- А что у вас вообще делали?
- Ну... Если, допустим, воспаление в кишечнике, брали острый нож, вскрывали брюхо, вырезали что-нибудь.
- Кошмар... Понятно, почему старели быстро. От страха такого. Не лечение это, а злость какая-то плохая.
- Ну да. В больницу попасть даже полные дураки не мечтали.
- Больницу?
- Место, где держали больных. Где их лечили.
- Дома они не могли лечиться? А, поняла: наверное – это для тех, у кого низкий ри. У нас таким даже не очень сложное лечение дома тоже не всегда делали, самим ходить надо было.
- Ну, примерно что-то такое.
- Так пойдем к базе? Я... Я не могу сидеть тут... с ними. Что-то делать надо, а не сидеть просто.
- Оставить их без охраны?
- Либерий останется.
- А выход наверх кто будет охранять?
- Когда будем выходить, позовем Эхнатона по связи. Он проверит все.
- Ну, пошли. Хочу посмотреть, что там на складах. Может, что полезное найдем.

* * *

Полезное нашлось: контейнеры с заряженными энергетическими ячейками, несколько законсервированных дронов разного назначения, картриджи для регенератора и разная мелочевка, которая могла пригодиться в хозяйстве.

Новые склады найти не удалось, зато, бродя по второму ярусу, наткнулись на останки еще трех человек. Что именно их убило, оставалось непонятным. Но обвалы тут точно ни при чем: больших обломков рядом с ними не было.

Потратив кучу времени, выбрались на поверхность, подождав перед этим, пока вызванный Эхнатон прочешет окрестности. Очень уж уязвимы они были в тот момент, когда появлялись из узкого лаза, пробитого в своде галереи.

В лагере обнаружился бардак. Рения болталась в сплетенном вчера Либерием гамаке, вся заплаканная, несчастная и погруженная в себя, два курсанта с преподавателем продолжали сидеть возле коммуникатора, глядя на него, будто кролики на пасть удава. Кос им сбрасывал видео– и фотоматериалы о событиях войны.

На вопрос Влада о Либерии ответить сумел лишь Мерик. Не обернувшись, отрешенно произнес:

- К морю пошел.
- Давно?
- Не помню.
- А зачем?
- Не знаю.
- Вот и поговорили...

* * *

Либерий стоял на огромном камне, вдававшемся в морскую гладь, и остервенело тряс рукой, дуя на нее и ругаясь на все лады. Влад даже заслушался, а потом недоуменно поинтересовался:

- Что с тобой?
- Это ваше море проклято!
- Не понял?
- А что тут понимать?! Я думал, в нем нормальная рыба, а оказалось, что проклятые твари, как и те, которые на пустошах.

Церковник злобно пнул ногой увесистую рыбу весьма странного облика: широкое тело, угрожающего вида колючки плавников, огромная уродливая голова с большущим ртом.

Влад расхохотался, что Либерия обидело:

- Над чем смеешься?! Она мне руку уколола, боль дикая!
- Это нормальная рыба, а не проклятая. Скорпена, или просто морской ерш. Колючки у нее неприятные, лучше сразу отрезать после поимки, иначе и правда помучаешься.
- Ты уверен, что она нормальная?
- Я даже ее ел.
- И как?
- Нормально вроде. Но вообще-то я не любитель рыбы.
- Тогда стоит взять. Речных ершей я часто ловил. Мелкие, не чета этой заразе, но если умеючи приготовить, очень даже ничего. Особенно в пост.
- У вас и постные дни есть?
- Да. Для тех, кто не несет службу в опасных местах.
- Сходи к Ти, она тебе что-нибудь даст от боли.
- Перетерплю. Не такая уж страшная. Будто пчелка укусила.
- А чего это ты рыбалкой заняться решил?
- Да вы ушли, а мне делать нечего. Сидеть в лагере и смотреть на морды этих... прилипших к ящику с картинками. Нет уж...
- А вдруг кто-то нападет, пока тебя нет?
- Да я об этом просто мечтаю. Чтобы напал и всех до единого их порешил.
- Не понравились?
- Влад, людей можно разделить на две части. Первые – это стадо, вторые – те, которые не дают этому стаду передохнуть от хищников и прочих напастей. Так вот – эти древние как раз из стада. Они ни на тебя, ни на Тейю не похожи ни капли. Толку от них никакого не будет. Мы зря сюда пришли. На базе точно никого нет?

– Похоже, так.

– Плохо. Очень плохо.

Позади гулко выстрелило ружье. Либерий, бросив вновь поднятую удочку, помчался вслед за Владом. Тот, выскочив из кустов, увидел следующую картину. Древние статуями застыли вокруг коммуникатора, уставившись круглыми глазами на цилиндр регенератора. На нем, ловко балансируя на скользкой изогнутой поверхности, стояла Тейя. И не просто стояла, а отмахивалась ружьем от пятерки тварей, в которых Влад с изумлением признал гиен. Только, в отличие от африканских, эти имели длинную густую шерсть.

Вскидывая ружье, он крикнул:

– Либерий, не повреди регенератор!

Церковник выстрелил метров с десяти, ближайшая к нему гиена повалилась без звука – картечь разворотила голову и шею. Остальные, как по команде, обернулись, но больше ничего сделать не успели: Влад, зайдя сбоку, разрядил свое ружье. Задело двоих. Не смертельно, но больно. И страшно.

Твари дружно развернулись и скрылись в зарослях.

Тейя прыгнула с регенератора, начала поспешно перезаряжать ружье, хладнокровно заметив:

– Эхнатон проворонил их. Надо делать какую-то изгородь. Опасно здесь.

Невдалеке прострекотала кинетическая пушка, затем над зарослями вспухло огненное облако от плазменного заряда.

– Ну, хоть догнал, и то хорошо, – прокомментировал это Либерий, тоже взясь с ружьем.

– Это что? Кто? – отошел от шока Адинри.

Влад неспешно освободил ступор с затвора, потянул за рукоять, поддел пальцами донце отстрелянной гильзы, вытащил из казенника, бросил на землю, потянулся за новым патроном, с сожалением при этом заметив:

– Жаль, что у меня руки из одного места растут. Ничего нормального придумать не смог. Не ружье, а позор какой-то. Перезаряжается, будто старинный мушкет, а то и медленнее.

– Ружье?! Я спрашиваю: что это такое?! Что это за животные?! – взбеленился отошедший от шока преподаватель.

– Не нужно кричать, глухих здесь нет. Вам, кажется, говорили, что времена сильно изменились. И что на Земле не осталось безопасных мест. Вы здесь уже сутки провели. И что? Где ваше оружие, которое может спасти жизнь при таких вот ситуациях? Что вы сделали для того, чтобы обезопасить этот лагерь? Изгороди на опасных направлениях устроили? Или хотя бы дров для костров, отпугивающих хищников, натаскали? Ничего подобного ни один из вас даже не попытался сделать. Хотя вру: Мерик один раз дрова приносил. Но это, согласитесь, не совсем то, чего от него ждали. Да и от вас. Вы собираетесь сидеть и дальше, таращась в коммуникатор, а в перерывах поглощать пайки? А ведь пайков надолго не хватит, значит, вы на верном пути к голодной смерти. В связи с этим я не вижу смысла отвечать на ваши вопросы. Зачем лишний раз озадачивать умирающих? Ти, если хочешь, расскажи им сама.

Девушка, не поворачиваясь к преподавателю, ответила на его вопрос:

– Это подвид гиены, водился в центральной и южной частях материка. Здесь их, наверное, не было. Не знаю, откуда взялись. Может, сбежали из зоосада, когда война началась. Хотя не могу точно знать, может, и жили. Но если так, то их не было много.

– Пойдем проверим, что там с ними сделал Эхнатон, – приказал Влад, решив, что древним сейчас будет полезно остаться одним, чтобы поразмыслить над своим поведением, перспективами и прочим.

Либерий тоже не остался. Охранять новеньких он считал бесполезным занятием даже после случившегося. На ходу он пояснил:

– Я понимаю, что вы им говорили, и знаю, что это за твари. Они редко у нас появляются, но бывает. Умные, всегда толпой действуют. Даже сволки с ними не любят связываться. И они всегда чувствуют слабость. На пару воинов, готовых к бою, ни за что нападать не станут, а вот на толпу крестьян запросто, если те соберутся как на подбор – одни слабаки. Вот и на этих напали.

– Я, выходит, слабачка? – обиделась Тейя.

– Нет. Но ты одна, одиночек они редко опасаются. А остальных вообще в расчет не брали. Почему промахнулась?

– Вверх стреляла, боялась наших задеть. И пистолет остался в куртке, сняла ее. Глупо получилось.

Сзади слышались быстрые шаги, их нагонял Мерик.

– Извините моих товарищей и меня. Мы просто растерялись от всего этого, – затараторил он на ходу.

Влад указал на Тейю:

– Она хрен знает сколько болталась на орбите, время от времени наблюдая, во что превращается Земля. А потом ее капсула разбилась при посадке из-за радикалов. Только она не сидела сутками, таращась в красивые картинки, а сразу взялась за дело. Спасла Либерия от смерти, потом уже через день научилась говорить на местном языке и помогала во всем. Ее едва не убили твари, несколько дней пролежала в регенераторе. Покалечь вас эти гиены – верная смерть. Регенератор один, и он занят. Освобождать ради вас его никто не будет. От того парня, что там лечится, может, будет польза, а от вас – сомнительно.

– Стой! Я же сказал, что извиняюсь!

– Нам не нужны извинения, нам нужно дело.

– Я вернусь, и мы займемся лагерем. Еще раз извиняюсь.

Проводив его взглядом, Тейя начала было объяснять Либерию суть слов курсанта, но тот ее прервал:

– Не надо. Я понимаю ваш язык. Только говорить не хочу, уж очень коряво выходит. Звуки у вас чудные многие.

– Да? Понимаешь? Когда успел научиться?

– Ты сама показывала, как пользоваться машиной для обучения. Я и пользовался в свободные минутки.

Сбоку слышался треск кустов, сминаемых бронированным брюхом, и голосовой доклад:

– Эхнатон две тысячи сто четырнадцать дробь сорок три осуществлял преследование противников, напавших на лагерь. В процессе преследования уничтожено четыре цели. Задача преследования выполнена.

– Ты как их прозевал?! – наехал Влад на дрона.

– Мне было приказано не обращать повышенное внимание на неизменных существ. Противники не являлись метаморфами, и я, действуя в рамках приказа, игнорировал их нахождение вблизи лагеря.

– Ты думай в следующий раз, а то нас так всех съедят.

– Формулировка приказа звучит расплывчато.

– Никого не подпускай близко. Или хотя бы предупреждай, если звери рядом.

– Приказ ясен. Выполняю.

Дрон развернулся и исчез в зарослях.

Глава 10

Нельзя сказать, что после «моральной накачки» новички начали фонтанировать ценными идеями и выдающимися свершениями, но, по крайней мере, все до единого приняли участие в создании вокруг лагеря полосы препятствий, через которую пробраться не так уж сложно, но вот бесшумно это сделать под силу только мелким зверушкам. Из ткани, похожей на парусину, рулон которой обнаружили на складе, соорудили пару палаток, разделив их население по половому признаку.

И даже понемногу начали есть то, что приносил Либерий с охоты и рыбалок. Правда, Рению в самом начале стошнило.

Влад, Либерий и Тейя в «лагерных делах» почти не принимали участия. Либерий охотился, рыбачил – ему это было в удовольствие, а они бродили по подземельям базы в поисках уже не людей, а вещей. Что полегче, вытаскивали на поверхность, остальное брали на заметку.

На четвертый день регенератор выдал сообщение, что раненый сотрудник базы будет как новенький к вечеру. В связи с этим Влад и Тейя вернулись пораньше, а Либерий расстарался: добыл косулю, накопал каких-то клубней и лично принялся готовить что-то явно варварское, но пахнущее невероятно соблазнительно.

Новички в этом ему не помогали. Разве что дрова подтаскивали. Прикасаться к убитому животному было выше их сил.

Из регенератора выбрался мужчина лет тридцати на вид, с пробивающейся седоватой щетиной вместо прически, заурядной внешностью и глазами человека, удивить которого непросто. Еще не стемнело, и он, бросив взгляд на окрестные горы и ближайший пейзаж, без эмоций, почти нормальным голосом поинтересовался:

– Сколько лет прошло?

Так как в регенераторе лежать приходилось голым, Тейю к моменту «воскрешения» не допустили, и отвечать пришлось Владу:

– Много. Очень много. Мы сами точно не знаем. Больше семисот и меньше полутора тысяч.

– Вы из хроноубежища?

– Вроде того, – ответил Влад заинтригованно.

Новичок начал ему нравиться. Никакой растерянности, сам установил суть происходящего, с ходу задал очень уместный вопрос.

– Меня зовут Эйсо Картар, лучше просто Эйс. Старший техник базы.

– Я тогда просто Влад. Это Либерий, он не очень разговорчивый, но все понимает. Вот, оденься, и пойдем к остальным. Там и поговорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.